

Наталья Андреева

детектив & загадка

Кара небесная,
или Стикс -2

Наталья Вячеславовна Андреева

Кара небесная, или Стикс-2

Серия «Стикс», книга 2

текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=169372

Наталья Андреева. Кара небесная, или Стикс-2: Эксмо; Москва; 2013

ISBN 978-5-17-045740-3, 978-5-271-17647-0, 978-985-16-2526-6

Аннотация

Дело серийного маньяка закрыто, следователь Мукаев как в воду канул, и только его лучший друг Руслан Свистунов догадывается о том, что же случилось на самом деле. Точку в этой истории явно ставить рано. Дом, где находилась подпольная лаборатория Ивана Саранского, сгорел, но остались записи талантливого ученого-химика. Все прекрасно понимают ценность его научных исследований и экспериментов с человеческой памятью. За изобретенным Саранским лекарством начинается охота. Любовница ученого Ольга решает заработать на этом большие деньги и придумывает хитроумный план, как разбогатеть и исчезнуть. Но ее планы путают загадочное убийство и все тот же Руслан Свистунов, который ведет расследование...

Содержание

Часть вторая	4
Накануне	4
День первый	17
День второй	31
День третий	48
День четвертый	68
День пятый	94
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Наталья Андреева

Кара небесная, или Стикс-2

Часть вторая

Накануне

Конец июня, вечер

На экране огромные алые буквы: «Затерянные во времени. Специальное расследование». Голос за кадром:

– Странные дела творятся в Р-ском районе Московской области. Сюжет, достойный фантастического романа. Время от времени на шоссе близ города Р-ска подбирают подозрительного вида мужчин, которые на все вопросы отвечают: «Не знаю. Не помню». Их отправляют в психиатрическую лечебницу, и пока они пытаются хоть что-нибудь вспомнить, полиция в свою очередь разыскивает их родственников. Иногда сотрудников правоохранительных органов ждет успех, а «Иванов Непомнящих» вскоре забирают домой. Дальнейшая их судьба неизвестна. Скорее всего, они вновь отправляются в психоневрологический диспансер по месту жительства и продолжают лечение. Наш корреспондент побеседовал с главврачом больницы, куда поначалу по-

падают странные пациенты.

– Владимир Степанович, добрый день.

– Здравствуйте.

– Последнее время ваш район постоянно фигурирует в сводках криминальных новостей. То массовые отравления «паленой» водкой, то стрельба, то мужчины, потерявшие память, которых то и дело находят в окрестностях. Мы что, первая съемочная группа, которая побывала здесь, в психоневрологическом диспансере?

– Знаете, да. Хотя пациенты с полной потерей памяти поступают к нам уже давно.

– Как так? – На лице корреспондента удивление.

– Да-с, еще с прошлого лета. И только когда пошли массовые отравления некачественным спиртным, средства массовой информации наконец...

– Вы связываете два этих события? – перебивает его корреспондент.

– Видите ли... – Главврач мнется. – Это, конечно, не мое дело, но... У меня было пять таких случаев.

– Пять пациентов, которые потеряли память?

– Да.

– И все они мужчины?

– Да. Был даже один следователь. – Владимир Степанович заметно оживляется.

– Следователь?

– Да. Следователь прокуратуры. Мукаев Иван Алексан-

дрович. За ним приехали на следующий же день. Остальных тоже забрали быстро, родственники нашлись. Но последнего мужчину я выписал буквально на днях. И знаете, что интересно? Память начала к нему возвращаться!

– И что же он вам рассказал?

– Я повторяю: это не мое дело. Расследованием пусть занимается прокуратура, а я призван лечить людей. Этим я и занимаюсь.

– И все-таки, Владимир Степанович? Почему вы связали два таких разных факта? Нелегальное производство «паленки» и потерявших память мужчин?

– Потому что мой пациент... Я, с вашего позволения, не буду называть его имя.

– Конечно, конечно.

– Он сказал, что отвозил акцизные марки в Р-ск. Конкретно в Нахаловку.

– Ну, это теперь секрет полишинеля! Подпольный цех по производству «левого» спиртного, находившийся в Р-ске, недавно ликвидирован. Мы снимали сюжет для криминальных новостей нашего канала.

– Пошумели да забыли, – усмехается Владимир Степанович. – А хозяйева, как всегда, остались в тени. А ведь мой пациент вспомнил, откуда забирал акцизные марки. И название фирмы, которая...

– Почему же он не пойдет с этим в прокуратуру?

– Это не мое дело. Если вы приехали поговорить о спир-

тосодержащих напитках сомнительного качества...

– Нет-нет! Нас интересуют потерявшие память! Скажите, что с ними произошло? Вам удалось это установить?

– Случай интересный, – вновь оживляется главврач. – Я думаю, мы имеем дело с препаратом, пока еще не известным науке. Это открытие достойно Нобелевской премии!

– Но как оно попало в руки криминала?

– Этого я не знаю, – разводит руками Владимир Степанович. – Знаю только, что такой препарат существует, раз мы находим людей, которые его принимали. Добровольно или принудительно, другой вопрос. Этим пусть занимается прокуратура. Я же говорю: он есть! Хотя анализы ничего не выявили. Ничего! Продукты распада загадочного препарата в организме отсутствуют. И только массовое его применение наталкивает на мысль... В общем, он существует!

– Вы хотите сказать, что если бы случай был единичный...

– Вот именно. Доказать ничего невозможно.

– Вы над этим работаете?

– Да, работаю...

* * *

Двухэтажный особняк в коттеджном поселке недалеко от Москвы. Просторная гостиная на первом этаже, выдержанная в стиле хай-тек: металл, стекло и пластик, отсутствие ковров и ворсистых поверхностей, собирающих пыль. Муж-

чина и женщина не отрываются от огромного экрана плазменного телевизора, висящего на стене. «Вы над этим работаете? Да. Работаю». При этих словах женщина вскрикивает:

– Нет, ты слышал?!

– Ольга, успокойся.

– А если они найдут?

– Что найдут?

– Формулу! Нам с тобой тогда ничего не светит!

– Успокойся. Ничего они не найдут. Для этого нужно родиться гением. Как Ваня Саранский.

– Он был не гений, а психопат!

– А что ты так разволновалась?

– Да потому что, Леша, это мое! Понимаешь? Мой кусок хлеба на черный день! Зря я, что ли, столько его терпела?

– А по-моему, тебе нравилось, – усмехается мужчина.

– А по-моему, он меня кинул. Дом сгорел. Машина оформлена не на него. О счетах в банках я ничего не знаю. Где деньги, Леша?

– По-моему, я тебе ни в чем не отказываю.

– А по-моему, это будет до тех пор, пока я не отдала тебе бумаги.

– Какие бумаги?

– Ха-ха! Я пошутила!

Она заливисто смеется. В глазах цвета морской волны пляшут солнечные зайчики. Женщина очень красива, особенно когда ее загадочные глаза так играют, но мужчина на

это не реагирует. Он говорит:

– А вот мне не до смеха. Ты слышала, что он сказал?

– Кто?

– Этот... Главврач! Как там его? – И Алексей Петрович Ладоскин недовольно морщится. – Память-то к ним возвращается! Выходит, недоработал Иван!

– Ну и чем нам это грозит?

– Вроде и неглупая ты женщина, Ольга, а все равно – дура! Не потому что дура, а потому что баба.

– На себя посмотри, – огрызается она. – Трус! Кого ты испугался? Р-ской полиции? Да у тебя там все давно уже куплено!

– Нет. Не полиции.

– А кого?

– А кому ты собралась продать формулу?

– Я думала, ты знаешь.

– А я думал, что покупатели сами на нас выйдут. Надо только подождать.

Ольга вскакивает и кричит:

– Да сколько можно ждать! Мне двадцать девять лет! С карьерой модели покончено! Стара я уже для подиума, понимаешь? Стара! Я думала, что все наконец устроилось, а все, напротив, рушится! Дом сгорел, машина...

– Далась тебе эта машина, – раздраженно бормочет Ладоскин.

– Где деньги, Леша?

- А где бумаги?
- Нет никаких бумаг.
- И денег нет.
- Ну, вот и договорились.

* * *

Отдельный кабинет в фешенебельном ресторане в центре Москвы. Здесь почти не слышно музыки, официанты входят и уходят бесшумно, но пока они приносят блюда и разливают напитки, мужчины молчат. В кабинете их двое. Один – уважаемый господин лет пятидесяти в темном костюме и при галстуке, другой лет на двадцать моложе, в джинсах и толстовке. Он же и отчитывается:

– Да, я видел документальный фильм по федеральному каналу.

– Как же мы это допустили? Что туда выехала съемочная группа?

– Кто ж знал, что этим интересуются СМИ? Ну, двое-трое потерявших память. Откуда пятеро? Не исключено, что это всего лишь совпадение. Остальные «не наши». И потом... Никто не придавал значения какому-то врачу в психоневрологическом диспансере...

– Они все прошли через его руки. Ты слышал: он работает! И во всеуслышание об этом заявляет! По федеральному каналу! А главное, он знает, что есть такой препарат. А что

известно нам? Я думаю, гораздо меньше.

– Да, вы правы, она почти ничего не знает. Только то, что ее любовник был одержим этой идеей, еще когда учился в Первом медицинском. Для того и получал второе высшее образование, уже на химфаке. Препарат, над которым он работал столько лет, называется «СТИКС».

– Стикс? Что это: Стикс? – морщится господин в костюме и нервно поправляет галстук. – Что-то знакомое.

– Это из древнегреческой мифологии, – с усмешкой говорит его собеседник. – Река забвения. Но я полагаю, в данном случае это аббревиатура. Его фамилия Саранский. «СТ-икс». Я видел его записи. Те, что он делал еще в институте. Других у нее, увы, нет. «СТ – х». Икс – транквилизатор Саранского, если прочитать наоборот. Он начинал работать именно над созданием транквилизатора, у него были проблемы с психикой. Потом его исследования перешли в другую область, но названия Саранский менять не стал. У него странный почерк. Мелкий, буквы с наклоном вправо. Саранский ведь был левшой. Даже писал в дневниках справа налево. Отсюда и «Ст-икс». Ну прямо Леонардо да Винчи!

– Да. Он был гений.

– Скорее психопат. Но – гениальный, не спорю. Если бы Саранский на днях не покончил жизнь самоубийством, его бы убрали. Потому что его невозможно было контролировать.

– Это правда. Он забыл, кто дал ему деньги на исследования. И не собирался ни с кем делиться своим открытием.

Хотел за границу сбежать. В американском посольстве лежат его документы... Ну и пусть себе лежат. Его все равно надо было убирать. И ни в коем случае не выпускать из страны. Деньги вложили мы, соответственно имеем право на прибыль. Ты вот что... – Господин в костюме вновь морщится и нервно поправляет галстук. – Все надо подчистить. В клинике. Того молодца, к которому начала возвращаться память, допросить с пристрастием. Где брал акцизные марки? Как называется фирма? Надо узнать, что именно он помнит. Во главе фирмы стоит подставное лицо. Возьми в оборот подставное лицо. Любовницу Саранского. У кого-нибудь из них должны быть записи. Черновики. Дискеты. CD-диски. Все, что угодно. Изъять весь материал.

– А с ними потом что делать?

– Ты знаешь.

– Я все понял.

– Ну, вот и работай. – И господин в костюме потянулся к рюмке с коньяком. – Выпьешь со мной?

– Если вы не будете настаивать...

– Не буду. Я знаю, что ты этого не любишь. И не надо. Как у тебя? Все нормально?

– Да, все в порядке.

– Проблемы есть?

– Если только ваши.

– Ну, вот и славно. Давай. – Он поднимает рюмку: – За здоровье. И – за успех.

Р-ск, однокомнатная квартира на втором этаже. Обстановка скромная, мебель далеко не новая, обои местами отстали от стен, штукатурка на потолке облупилась, здесь давно уже требуется ремонт. Молодая женщина прилипла к телевизору. Другая, гораздо старше, нетерпеливо спрашивает ее:

– Леся, ну и как тебе новая работа?

– Мама, отстань! Дай досмотреть!

– Да что ж там такое, что ты от экрана оторваться не можешь?

– Не видишь – Р-ск!

– Да какой же это Р-ск? Это ж больница!

– погоди. Про Ваню говорят.

– О господи! Сколько можно!

Пожилая женщина раздражается и уходит на кухню. Минут через десять дочь кричит:

– Мама! Иди сюда!

– Ну, что еще?

– Все. Фильм закончился. Ты спросила про мою новую работу.

– Зря ты уволилась из прокуратуры. Все говорят: зря.

– Да потому что Мукаев всю мою кровь выпил! Видеть его больше не могла! Мы ж с ним каждый день встречались!

Сил моих больше не было, мама!

– Но теперь-то его там нет!

– Так и Цыпина нет. Знаешь, как меня в прокуратуре называют? То-то. Нет, не вернусь.

– Собака лает, ветер носит. Пусть сплетничают, тебе-то что? Зато местечко теплое, в двух шагах от дома. Ехать никуда не надо. Ты ведь встаешь иной раз в пять утра! Жара ли, холод, тебе на станцию, на электричку. А ночью какво работать? Ты ж здоровье угробишь!

– Зато смена через две. И зарплата хорошая. Полгорода на работу в Москву ездят. Никто не умер.

– Кассирша в супермаркете! – не унимается мать. – Леся, опомнись!

– А у меня, мама, высшего образования нету. Да и не девочка уже. За тридцать перевалило. Кто ж меня в офис-то возьмет?

– Глянь на себя! Тощая, глаза злые. Что дальше-то будет, Леся?

– Что будет, то и будет.

Вдруг она вздрагивает. И говорит взволнованно:

– Мама, со мной такой странный случай произошел. В супермаркете.

– Какой случай, Леся?

– Представляешь, я встретила женщину, похожую на меня как две капли воды! Ну, почти. Она моложе, и вся такая холеная. В бриллиантах. Одета модно, прямо картинка из жур-

нала! Стрижка – закачаешься! Очень красивая. Но мы с ней одно лицо! Клянусь! Если б я в блондинку перекрасилась, никто бы и не отличил!

Ее мать пугается:

– Ох, Леся! Не к добру это!

– Что не к добру? – прищуривается дочь.

– Встретить своего двойника. Примета плохая. Говорят, к скорой смерти. Тьфу-тьфу-тьфу!

– А я в приметы не верю! Подумаешь, похожа! Да мало ли на свете похожих людей? Может, мы с ней дальние родственницы?

– Опомнись, Леся! Все наши родственники в Р-ске живут да в его окрестностях.

– А как же брат?

– Так он военнослужащий! Ну, занесла его судьба в Улан-Удэ! Погоди, вернется еще.

– Я в приметы не верю, – говорит Леся, упрямо потрянув каштановыми кудрями. – К добру ли, не к добру я ее встретила, время покажет. Она так странно на меня посмотрела...

Звонит телефон. Леся хватается трубку:

– Да! – И матери: – Это Свистунов. Привет, Русланчик! Конечно, смотрела! До сих пор в себя прийти не могу! А может, он жив? Ну, ищите. Нормальная работа. Нет, спасибо. Как я? Да лучше всех! А как твоя жена? В роддом отвезли? Раньше срока? Да что ты говоришь! Ну, держись. Скоро станешь папой. Когда я мамой стану? Ха-ха! Хорошо, заходи

как-нибудь. А что жена скажет? Ну, когда выпишут. Не ревнивая? Ха-ха!

Ее мать внимательно прислушивается к разговору и качает головой: «Ох, не к добру это! Не к добру. А жара-то какая в это лето! А грозы! Не к добру...»

День первый

Утро, полдень

Мать ушла, наконец. Каждый день одно и то же: зачем уволилась, когда замуж выйдешь, когда внуки будут? Да будут, мама, успокойся. Сначала надо о себе подумать. Не дает покоя случай в супермаркете.

Решение уволиться из прокуратуры Леся приняла внезапно. А ведь как все было хорошо! В день своего исчезновения Иван, когда уходил от нее рано утром, пообещал, что разведется с Зоей. Цыпин, мол, скоро на пенсию уйдет, а то и сядет.

– Как сядет?! – ахнула она.

– Да так. Неизвестно, у кого теперь компромата больше, у него на меня или у меня на него. Разведусь. Съеду от Зои. Сам стану прокурором. Вот где они все у меня! – Иван сжал кулак и показал его Лесе. – Поняла? Держи пока рот на замке. А я в Горетовку.

– Зачем тебе в Горетовку?

– Дело у меня там. Вернусь – богатой будешь, – как-то невесело пошутил следователь Мукаев.

Вернулся. Она смотрела и не узнавала. Как и не было ничего! Будто и не Мукаев! Не говорит, а бредит! Да еще Ольгой ее называет! Заманила к себе, стол накрыла. А он такое выдал! Тебе, говорит, нужен не я, а мои деньги! Да откуда

у него деньги?! Сколько себя помнила, Ванька Мукаев был бесребреником, хотя зарплату хорошую получал. Но деньги у него в карманах не держались. Да и какие это деньги? Ведь он говорил про рестораны, казино, черный «Мерседес»...

– Руслан, что с ним? – спросила она, когда Мукаев, про-
бормотав «мне надо в одно место», сбежал, как заяц, оставив
их со Свистуновым вдвоем.

– Если б я знал! – развел тот руками. – Не видишь: человек
болен.

– Я все понимаю. Избили, опоили. Память потерял. Но не
может же человек так сильно измениться! Он меня явно с
кем-то путает! Ольгой называет!

– Как-как? – с интересом спросил Руслан. – Ольгой?

– Да.

– Странно. Я всех его женщин знаю. Но Ольги среди
них... – Он осекся и начал оправдываться: – Я имел в виду
свидетельниц, которые проходили по разным уголовным де-
лам.

– Да ладно врать-то! Свидетельниц! Что Ванька Мукаев
бабник, все в Р-ске знают!

– Зачем же ты с ним связалась? – отвел глаза Руслан.

– Он мне божился, что изменится. Жениться обещал. Де-
сять лет ждала.

– Когда обещал жениться? – насторожился Свистунов.

– Да в тот день, когда в Горетовку поехал. Я ж говорю, что
человека как подменили. Я все могу понять. Ну, пить бро-

сил. Болезнь, понятно. На людей перестал бросаться с кулаками. Вежливый стал, не матерится. Но чтобы он вернулся к Зое?! Которую иначе как «дурой набитой» и «дрянью» не называл? А то и покрепче приложит. Он же ее ненавидел за то, что она на себе его женила! А теперь после работы несется домой! «Ах, что Зоя скажет?» Под ручку до парка гуляют. Сама видела. Дожила! Следить за ним стала! Думаю, может, у него кто есть? Баба какая? Про Нахаловку-то я слышала, как Ванька в окно лазал. Думала, там кто. Оказалось – жена! А ко мне – ни ногой. Как отвадили. Я уж к гадалке собралась. Может, Зоя постаралась? Говорят, в Нахаловке бабка есть...

– Какая бабка?

– Ведьма. Присушивает, говорят. Точно: у нее Зоя была. Приворожила. Дрянь! – Она чуть не плакала.

– Леся, перестань нести чушь. Ты же образованная женщина, в прокуратуре работаешь.

– И что? Помогло мне это? Нет, ты скажи: помогло?

Они стояли у подъезда под ее окнами. Руслан все переминался с ноги на ногу, нервно курил. Потом спросил-таки:

– Может, на чашечку кофе пригласишь?

– Иди к черту! Если я тебе на Мукаева жалуюсь, это не значит, что готова повеситься на шею первому встречному!

– Ну, вот и выяснили, кто я тебе, – невесело усмехнулся Руслан. – Ладно, бывай. Удачи тебе, Олеся Владимировна.

А потом Мукаев заявился с букетом роз и нес такую чушь, что ей стало тошно. «Я обращался с тобой несколько непра-

вильно...» Сначала она подумала: пьян. Язык заплетается. Это на него похоже. Но пьяный он другой. Веселый или буйный. Это смотря сколько выпьет. Сейчас – трезвый. Но говорит такое! Сил нет! А под конец:

– Нам надо расстаться.

Ей показалось, что ослышалась. Расстаться?! Отхлестав его по щекам, прорыдала всю ночь. А наутро жаловалась подруге:

– Не могу больше. А вдруг память к нему не вернется? Скорее всего, что и не вернется. Да и не нужен он мне такой. Не обнимет, не поцелует. Чужой, холодный, глаза пустые. В общем, не нужен. Работу хочу поменять. Лишь бы его больше не видеть. Ведь ты подумай: каждый день на работе встречаемся! Чего я только не делала! То мимо прохожу, не здороваясь, а то и за руку хватаю, с поцелуями лезу, а ему все равно! Нет, ты подумай, Валька! Ему все равно!

– Поехали со мной в Москву.

– В Москву-у...

Они стояли у дверей магазина, было утро, Леся понимала, что опаздывает на работу, но идти туда не хотелось. Она представляла себе, что будет. Придет Мукаев с расцарапанными щеками, потом явится Русланчик и начнет язвить, а по прокуратуре пойдет гулять сплетня. Новость дня! К вечеру весь Р-ск будет гудеть! Как же! Следовательно Мукаев любовницу бросил! За что был расцарапан ею до крови!

– Я в супермаркет устроилась товары на полках расклады-

вать. Называется «Менеджер торгового зала». А ты на кассу сядешь. Смену работаешь, потом две отдыхаешь, – затараторила подружка. – Зарплата побольше, чем в прокуратуре. Ты ж не начальник, секретаршей работаешь. Деньги только начальники лопатой гребут. А в московском супермаркете хорошо. Премии, надбавки, да к рукам авось что прилипнет. Продукты опять же. Я на фасовке – поделюсь. В общем, варианты есть. Освоишься.

– А дорога? Это ж так дорого!

– Червонец сунешь контролерам в электричке. Они наших знают, не трогают. Мы группой собираемся и едем. А на Тушинской айда через дырку в заборе. Нас не трогают.

– Надо подумать.

– Да чего тут думать! Брось ты их, Леська! Тебе ж уже тридцать! А все в секретаршах! Теперь и мужик бросил! Бросай и ты их! Пора начинать жизнь заново!

Начала. В первый день вроде бы понравилось. Она так и записала его себе: День первый. Приехала устраиваться на работу. Оформить медкнижку оказалось просто. В Р-ске все друг друга знают, каких анализов не хватило, ставили синие штампики заочно. «Не найдено». «Не обнаружено». «Не состоит». Туда коньяк, сюда шоколадка, и сделано дело. Работай, Олеся Владимировна! Зеленый свет тебе!

Она ходила вдоль полок и присматривалась. Магазин был огромный и дорогой. Ценники на некоторые товары пугали. Неужели это кто-то покупает?! Покупает! Изящная женская

ручка тянется к баночке, под которой ценник с трехзначной цифрой:

– Леша, я это возьму.

Леся не отрывает взгляда от сияющего кольца на безымянном пальце левой руки дамы. Кто бы сомневался, что камни настоящие!

– Оленька, ты разве это ешь? А как же диета?

– Тебе что, денег жалко?

– Мне для тебя ничего не жалко.

Баночка опускается в корзину для покупок. Леся заворуженно переводит взгляд туда. Желудок болезненно сжимается. Она тоже не прочь отведать икорки, балычка, рыбки белой... Пора бы и позавтракать бутербродом с полукопченной колбасой сомнительного качества, неизвестно, чего там больше, мяса или сои с различными добавками. Живут же люди!

Она переводит взгляд на лицо женщины. Внутри все холодеет. Какая красивая и какая знакомая! Такое ощущение, будто они видятся каждый день. В зеркале. Но женщина в дорогих украшениях моложе, лицо ухоженное, стрижка стильная, волосы гораздо светлее, и какая же она красивая! На нее смотрят все, в то время как на Лесю в спецодежде ноль внимания. Будто нет ее. А ведь одно лицо! Ну, почти.

– Леся, что с тобой? – дергает ее за рукав подружка. – Что застыла?

– Посмотри на эту даму... – шепчет она.

– Где? Которая? Ах, какие бриллианты! А фигура? Одежда-то в облипочку. Должно быть, модель! Где-то я ее видела? Может, по телевизору?

– Посмотри на меня.

Подружка переводит взгляд на Лесю и пожимает плечами.

– Ну и что?

– По-моему, мы похожи.

– Да, что-то есть.

– Что-то?! Одно лицо!

– Ну, ты скажешь! Она ж моложе! И какая красавица!

– Я, что ли, не красавица? – обижается Леся.

– Кто спорит? На тебя всегда мужики засматривались. Но это ж наши мужики! А то – их!

– А чем их мужики отличаются от наших?

– Ну, ты скажешь!

Леся ловит на себе безразличный взгляд спутника красавицы в бриллиантах. Молодой человек на вид лет тридцати, но уже располнел, хотя и скрывает живот под свободной одеждой. Лицо круглое, полное, некрасивое, брови широкие, нос картошкой. И что в нем нашла красавица блондинка? Разве что денег много. Ну и чем их мужчины лучше ее гуляки Мукаева?

Опять он! Вечно он! Кончено же. Разбежались.

– Оленька, пойдем на кассу.

Оленька! Она невольно вздрагивает. И смотрит на женщину, не отрываясь. Лесе отчего-то страшно. Она не пони-

мает причины этого страха, но внутри все холодеет. Не надо об этом думать. Нельзя. Ноги словно к земле приросли. Она понимает, что не может приблизиться к блондинке ни на шаг. Не смеет с ней заговорить. Ей страшно. Но и убежать не может.

И тут Леся замечает, что красавица в бриллиантах тоже смотрит на нее не отрываясь. И тоже вздрагивает. Узнала! Нет, они не сестры. И не близнецы. Эта женщина чуть моложе, а если приглядеться, то и отличия найти можно. Но они до странности похожи. Рост, сложение, цвет глаз, форма носа...

Одно «но»... У нее, у Леси, полная неопределенность. Жизнь с чистого листа. Ни мужа, ни детей, ни денег. Есть кое-какие сбережения, но что это за деньги? Слезы! Вон сколько дорогих украшений на даме, так на нее похожей! Вот у кого нет проблем! Туфельки не запылились, не пешком пришла, привезли. Спутник с нее глаз не сводит, любое желание старается предугадать. Денег куры не клюют, ешь, что хочу, пей, что хочу. Желудок опять болезненно сжался. Ну, есть, скажите, на свете справедливость? Почему одним все, а другим ничего? Чем эта Ольга лучше ее, Леси? И чем она, Леся, хуже этой Ольги? Да ничем! Одно лицо! Почистить перышки, подправить брови, сделать стильную стрижку, маникюр, педикюр...

– Леся, ты что, плачешь?

– Нет. Что-то в глаз попало. И мутит.

– А ты завтракала?

– Не помню.

– Пойдем перекусим. И с заведующей поговорим. Она скажет, когда тебе выходить на работу. Все будет хорошо.

– Да-да. Все будет хорошо.

Но какое должно случиться чудо, чтобы все было хорошо?

Полдень

– Леша, смотри!

– Что такое?

– Тебе не кажется, что эта женщина на меня похожа?

– Какая женщина?

– В униформе. Высокая шатенка.

– Ах, эта! Да ну! Ничего общего, – отмахивается Ладоскин.

Скоро два месяца, как исчез Саранский. Ольга в недоумении. Ну, поругались. Кошкой ее назвал. Дрянью обругал. Сдернулся, к матери поехал. Куда ж еще? Небось гнал машину, как ненормальный, и не вписался в поворот. Это на него похоже! Но почему его мобильный телефон не отвечает? Почему сам не звонит? Она уж и не знает, что думать! Хорошо, Лешка ее не оставляет. Приезжает, прогуливает, поддерживает. В общем, не дает ей засидеться, закиснуть. Называет «Оленькой», «лапочкой» и «красавицей». Если бы не он, померла бы от тоски, дожидаясь своего принца. Вот ведь посмотришь – вылитый принц! Умный, красивый, об-

разованный. Одна беда: гений. Запирается в лаборатории и часами колдует над своим препаратом. Слово «СТИКС» она уже слышать не может. Это его жена. По имени Стикс. А она, Ольга, – пустое место.

Ну почему он не может быть *нормальным* человеком? Иногда ей даже делается страшно. Все кажется, что Саранский ее зарежет. Иной раз он так странно смотрит. С ненавистью. И сжимает в руке скальпель, когда она заходит в лабораторию и пытается оторвать его от опытов. Зачем ему, спрашивается, скальпель? Он же газ изобретает! Она, Ольга, химию не знала никогда, в школе выше тройки по ненавистному предмету не имела. Зато у нее память хорошая. За три года столько от него наслушалась, разбуди ночью – выдаст лекцию о свойствах изобретаемого им газа без запинки. Ведь он только об этом и говорил!

Второй месяц, как он исчез... Все уже передумала. Убили, на машине разбился, попал в больницу... И вдруг – звонок. «Я болен. Ты хочешь меня видеть?» И странная фраза: «У меня теперь вообще нет никакой памяти». Ну, вот и доигрался! Маньяк! На себе решил эксперимент поставить! Надо сказать Леше...

- Тебе не кажется, что эта женщина на меня похожа?
- Ничего общего.
- А ты приглядишься.
- Да разве это женщина? Рабочая лошадь!
- Ты не прав, она красива.

– Странно это слышать от тебя.

– Вовсе нет. Она мне не соперница, потому я и говорю так спокойно: она красива. И очень на меня похожа.

– Она гораздо старше.

– Год-два, не больше. Ей лет тридцать. Не забывай, что и мне в этом году исполнится двадцать девять.

– Да что ты на ней заиклилась?

– У меня странное чувство, будто мы с ней как-то связаны.

Нас что-то объединяет. Но в то же время меня от нее словно отталкивает что-то. Веришь, нет? Я не могу к ней подойти!

– Да что вас может объединять? – сердится Ладошкин. –

Ты модель, она принеси-подай. Тебя холят, лелеют, работой ты себя не утруждаешь даже по дому, одеваешься, как королева. А она... Да ты посмотри на ее руки! Маникюра нет! Ногти коротко острижены, кожа огрубела. Сразу видно: сама стирает, сама посуду моет, а моющие средства – дешевка. А ноги? У тебя, глянь, какой педикюр!

– Разве мужчины это замечают?

– Мужчины, милая, все замечают.

– Однако ты не заметил, что мы с этой женщиной на одно лицо, – говорит она тихо, Ладошкин не слышит, он катит тележку с покупками к кассе.

Ольга оборачивается и смотрит на высокую шатенку в униформе в последний раз. И невольно вздыхает. Разве проблемы сотрудницы супермаркета можно сравнить с проблемами ее, Ольги Маркиной? У той всех забот: мужа накор-

мать, детей отправить в школу, сутки отработать, а два следующих дня глянец в квартире наводить. Гладить, стирать, убирать... Мужик сволочь, дети двоечники, везде все куплено, схвачено-заплачено, да не нашего ума дело. Ей некогда думать, счастлива она или нет. А купить ей дешевое колечко или духи да коробку конфет принести – эта баба и будет счастлива. А она, Ольга Маркина, бриллиантам давно уже перестала радоваться. За последний год ей не выпало ни одного счастливого дня. Ни одного! Даже в те вечера, когда удавалось оторвать Саранского от лаборатории и они ехали в дорогой ресторан, все заканчивалось руганью. Он беспрестанно переспрашивал:

– Извини, что ты сказала?

– Иван, я говорю, что нам надо отдохнуть. Поехали куда-нибудь.

– Да-да...

– Я на днях зайду в турагентство. Куда бы ты хотел поехать?

– Да-да...

– Может, нам покататься на горных лыжах? Или ты предпочитаешь рыбалку?

– Извини, что ты сказала?

Чего она только для него не делала! Хотелось же как лучше! А он все об одном: надо закончить эксперимент. После ссоры в ресторане мчался в казино и играл ночь напролет, как сумасшедший. Не замечая, какие делает ставки, что вы-

падает, красное или черное. Впрочем, ему всегда везло. Он был безразличен ко всему, в том числе и к игре. Фортуна обижалась, потом злилась и выбрасывала ему счастливые номера, но тщетно. Он этого словно и не замечал. Как не замечал ни одной женщины, оказавшейся рядом. Она же в оцепенении стояла у рулетки, глядя на это безумие, а под конец сгрэбала фишки со стола со словами:

– Иван, уже утро, поехали домой?

– Извини, что ты сказала?

Ох, как она смотрит! Эта женщина в униформе. Завидует. По глазам видно. Зато, милая, твоего мужика никто не трогает. Кому он сдался? И тебя никто не трогает. Дети твои, двоечники, никому не нужны. Твоей жизни ничто не угрожает. А она, Ольга Маркина, давно уже ходит по краю. «Стикс» – крест ее жизни. Иван упрям, он ни с кем не хочет делиться открытием. Забыл, кто дал деньги на исследования. А с этими людьми не шутят. Дело под угрозой, фирма, которая в отличие от его препарата приносит реальный доход. Вот Ладошкин и нарезает круги вокруг нее, его любовницы. «Ляпочка», «солнышко», «красавица»... Да нужна она ему! Ему нужны бумаги Саранского. А вдруг и она нужна?

Неужели же Саранский не объявится? Не может этого быть! Вернется. Куда он денется? От коттеджа в пригороде столицы, от фирмы, а главное, от лаборатории. Или же его найдут. И вернут. Ей надо только знать наверняка, жив он или умер. И чье теперь все это? Дом, имущество, банковские

счета... И... «Стикс».

Как же не повезло-то! Связалась с психопатом. Где были ее глаза? Страшно подумать, что будет дальше. И теперь эта женщина, до странности на нее похожая... Говорят, встретить своего двойника – это к несчастью. К скорой смерти.

– Оля, что с тобой? – в упор смотрит на нее Ладошкин.

– Ничего.

– Поехали домой. Ты что, плачешь?

– Нет. Что-то в глаз попало. И мутит. У меня задержка.

– Как-как?

– На нервной почве, должно быть. Господи, что же мне теперь делать?!

– Успокойся. И ждать. Я уверен: он объявится. А нет, так мы его отыщем. Все будет хорошо. Ну, садись в машину.

– Да-да. Все будет хорошо.

Но что для этого надо сделать? Что? Чтобы все наладилось? Решение есть, надо только найти Саранского. Обязательно надо найти.

День второй

Утро – вечер

Обманула подружка. Леся поняла это в первый же рабочий день. Будильник прозвенел в пять утра. Хочешь не хочешь – вставай. Они с Валькой попали в разные смены. Ехать пришлось одной. В автобус, на котором добиралась на станцию, все набивались и набивались люди. Полгорода ездило на работу в Москву так же, как и Леся, сутки через двое. Кто в охрану, кто в супермаркет, кто в химчистку. Приемщицы, консьержи, уборщицы, кассиры... Об этом и разговаривали ехавшие в автобусе люди. Кому сколько платят, у кого какой график, о времени, которое приходится затрачивать на дорогу. И все вздыхали: «Да-а-а... Далеко, неудобно. А что делать?» Она же затосковала: «А что будет зимой? Когда холода придут? Томительное ожидание автобуса на морозе, холодные электрички...» Ох, тяжело!

В электричке на конечной станции не осталось ни одного свободного места. Лесе удалось пробиться к окну, она прислонилась к стеклу и задремала. Разбудили контролеры. Она что-то залепетала и принялась совать суровому мужчине в синей форменной рубашке червонец.

– Куда едем? С какой станции? – Не слушая ее оправданий, тот стал выписывать штраф. Остальные смотрели на Лесю с сочувствием. Их почему-то не трогали.

– Новенькая?

– Да. – Ее лицо было багровым от стыда. Квитанцию неловко засунула в сумочку.

– Ничего, примелькаешься, и отстанут. Скажи: на работу, мол, едзу. А на проездном разориться можно. Они ж не звери. Такие же люди.

Она была так расстроена, что не могла вымолвить ни слова в ответ. В общем, день начался неудачно. Потом она сидела за кассой, за спиной стояла наставница и то и дело одергивала:

– Не так. Видишь – хлеб. Ассортимент надо знать наизусть. Цифры выучи, а то так и будешь с вопросами бегать, людей от работы отрывать. – И на ухо: – На два умножь.

– Но здесь же одна булочка!

– Я тебе потом скажу.

После она, краснея, выслушала инструкции:

– Видишь, что покупатель при деньгах и торопится, – выбивай мелочовку по два раза. Вместо одной булочки – две. Йогурты тоже. Сырки глазированные. Никто и не заметит. А если пьяный, будь наглее. Пококетничай с ним. Чек на руки не отдавай. В корзину суй, под стол.

– Но зачем все это?

– Да ты будто вчера родилась! Надо же и нам на что-то жить! Недостачу, милочка, на всех делят. Каждого не обещаешь. Все по мелочи воруют. Они нас обманывают, мы их. Это, милочка, жизнь. Привыкай! А то, я смотрю, ты теплич-

ная. Особенно к подросткам присматривайся, к детям, которые без родителей. Через кассу не выпускай, только через охрану. Ничего. Освоишься – поймешь. Ты красивая. Это хорошо. Будешь нам выручку делать.

К концу рабочей смены Леся перестала что-либо соображать. День казался бесконечным. Вот когда Леся пожалела о том, что бросила работу в прокуратуре! Пусть не через две смены, зато с девяти до шести. С часовым перерывом на обед. Да с поблажками от добряка Цыпина. «Владлен Илларионович, я на минутку выбегу?»

Здесь перерывов не было, люди шли потоком. «Но тут же так дорого!» – удивлялась она. Цены не в пример р-ским, все намного дороже. А о существовании многих продуктов она даже не подозревала. По мнению Леси, отовариваться в таких дорогих магазинах было безумием. Тем не менее без работы она не сидела.

«Откуда у людей деньги?» – думала с тоской, глядя на доверху заполненные тележки. Лето, дачи, пикники. Готовый шашлык, только шампура ждет, дорогие напитки, салаты, какие только душе угодны, и даже дрова в фирменной упаковке. «Вот так и пройдет моя жизнь. На обочине. А они... Красивые, веселые, богатые. На меня – ноль внимания. Ну откуда такие деньги? И опять – эта!»

Красавица, на нее похожая, должно быть, живет неподалеку. Приехала на машине все с тем же Лешей. Обручально-го кольца на пальце нет. У него тоже. Рассмотрела это, пока

они выкладывали на ленту конвейера покупки. И безупречный маникюр тоже разглядела. Невольно спрятала свои руки. А ведь когда-то были красивые! Почему перестала делать маникюр?

– Девушка, вы уснули?

Полный, рыхлый молодой человек смотрит на нее с неприязнью. Сразу видно: большой начальник. Смотрит на всех свысока, хотя ростом не вышел. Взгляд надменный, губы брезгливо поджаты. Она краснеет и хватается за батон хлеба. Как называется? Как его пробить? Цифры в голове путаются, потому что красавица блондинка смотрит на нее, не отрываясь.

– Что вы копаетесь? – раздраженно говорит ее спутник.

– Извините, я новенькая. – Где же наставница? Куда она запропастилась? Уф! Справилась!

Рыхлый сгружает в тележку оплаченные покупки. Потом берет чек, который она забыла бросить под стол в корзину, смотрит в него какое-то время и вдруг спрашивает:

– Девушка, а почему два батона хлеба? Где вы видите два?

– Извините, – багровеет она.

– Где ваш управляющий?

– Я новенькая.

– Меня это не волнует. Позовите ваше начальство.

Появляется наставница:

– Что случилось?

– Мне пробили два батона хлеба вместо одного. Я уже не

первый раз ловлю вас на мелком мошенничестве.

– Девушка работает у нас первый день.

– А меня это не колышет. Позовите управляющего.

– Минутку.

У кассы уже скопилась очередь, но тому, кого блондинка называет Лешей, на это наплевать.

– Проходите в другую кассу, – жалобно лепечет Леся.

– Безобразие! – раздается в ответ.

– Бардак!

– Где ваше начальство? – ворчит народ, переходя к другой кассе.

Красавица в бриллиантах безразлично смотрит на витрину павильона косметики. Наконец появляется начальство: высокий плечистый мужчина в белоснежной рубашке.

– Что случилось?

– В вашем супермаркете занимаются мелким мошенничеством. В прошлый раз мне пробили пять йогуртов вместо четырех, сегодня два батона вместо одного.

– Эта девушка работает у нас первый день. Наставница отошла, вот она и ошиблась.

– А зачем вы берете на работу кого попало?

– С кадрами проблема. Москвичи не очень-то идут на такую зарплату.

– Это ваши проблемы. Вы управляющий?

– Менеджер по персоналу. Надя, исправь. Верни покупателю деньги за батон. Извините.

– Я ваш постоянный покупатель! Вы должны ценить таких клиентов, как я!

Толстый Леша раздражается тирадой о том, как надо любить и ценить постоянных клиентов и от чего зависит репутация любого магазина. Менеджер по персоналу кивает: да, да, да. Лицо у него каменное. И все это из-за какого-то батона! Двадцать рублей! У Леси дрожат губы. Да у него в тележке покупок не на одну тысячу! Наставница открывает ключом кассу, снимает стоимость хлеба и шипит на ухо:

– Нашла с кем связаться...

– Но вы же мне сами говорили: если состоятельный...

– Да этого Лешу все знают. Думаешь, это в первый раз? Он уже всех достал! Скряга! Всегда внимательно разглядывает чек, и если на ценнике в зале одна цена на товар, а на чеке другая, закатывает скандал. Объяснять, что ценники менять не успеваем, бесполезно.

– А почему же он этой все покупает? Глянь, какие дорогие продукты! – Леся кивает на блондинку, которая равнодушно осматривает теперь уже витрину с ювелирными украшениями.

– Это любовница его шефа! Так говорят.

– Значит, это не его пассия?

– Кто ее разберет, чья она? Она обычно приходит с таким красавчиком! Вот того можно обсчитывать хоть на сотню! Слова не скажет! Весь в себе. Но как-то рука не поднимается.

Инцидент, наконец, исчерпан. Леша торжественно берет двадцать рублей из рук менеджера по персоналу и вывозит тележку с покупками на улицу, к огромному джипу с тонированными стеклами. Блондинка с бесстрастным лицом идет за ним. А мужчина в белой рубашке направляется к кассе, где случился инцидент:

– Надя, сядь за кассу на пять минут. Девушка... – Он смотрит на беджик: – Олеся, да? Можно вас на пару слов?

Она идет, понимая: сейчас будут отчитывать. Может, и уволят. Вот тебе и устроилась на работу в Москву! Вот тебе и день второй!

– Вы ведь не москвичка?

– Нет. Я из Р-ска.

– А к нам как попали?

– Подружка привезла. Она у вас уже полгода работает.

– Ну и как?

– Ей нравится.

– А тебе нет? – переходит он вдруг на «ты».

– Да уж после такого...

– Да, пустяки, – машет рукой он. – Типичный сноб.

– А если он управляющему нажалуется?

– Да хоть президенту! Думаешь, работы в Москве мало? Знаешь, сколько таких супермаркетов? И везде: требуются... Меня, кстати, Сашей зовут. Значит, мы с тобой в одну смену. Тебя подвезти после работы?

– Куда? В Р-ск?

– Можно и в Р-ск. Далеко он?

– На машине часа полтора. Если пробок нет. А на нашей дороге они редко бывают. Мы вроде как на отшибе.

– Я до дома два часа добираюсь. Туда два да обратно два. В сумме получается четыре. Выходит, мне до Р-ска ближе? – подмигивает Саша.

Она теряется. Подвезти – это значит, что он на ночь останется. Намек понятен. А что ее смущает? Ванька Мукаев, у которого с женой медовый месяц? Да и в электричке трястись неохота. Особенно не хочется повторения истории с контролерами. Поскольку Леся молчит, Саша кладет руку ей на плечо и улыбается:

– Ну, вот и договорились.

И уходит. Она возвращается к кассе. Надя уступает ей место, сама становится за спиной. Спрашивает:

– Что тебе Сашка сказал? Клеился?

– Да вроде того. Подвезти предложил. С работы.

– А ты не отказывайся. Молодой, холостой. Бабник, правда, да где ж ты сейчас нормальных-то найдешь? Зато не пьет. И на машине. Повезло тебе – красивая.

– Я и не отказалась...

Знала бы она тогда, чем все закончится! Когда провожала утром Сашу, как черт из табакерки выскочил Ванька Мукаев. И набросился на него с кулаками. Тут она его и признала. Мукаев! Он! Всегда был бешеный!

– Мукаев, ты зверь! – закричала, когда Саша упал на зем-

лю.

И тут же получила пощечину. Удар был такой силы, что и она упала. Лицо у Ваньки было страшное. Стоял, сжимая кулаки, и словно бы чего-то искал взглядом. Глаза пустые, зрачки расширены. Не глаза – ямы. И тогда она сказала:

– Я тебя ненавижу! Наконец-то я тебя ненавижу!

Он убежал. Сашу пришлось отвести обратно в квартиру.

– Ну и любовники у тебя! – сказал он, смывая с лица кровь. – Что, все такие?

– Нет у меня никаких любовников!

– А это кто?

– Никто. Следователь прокуратуры.

– Следователь? – У него на лице удивление. – Либо я чего-то не понимаю...

– Чего не понимаешь?

– Да так. У этого следователя денег, видать, куры не клюют.

– Перестань, – отмахнулась она. – У Ваньки Мукаева деньги в карманах никогда не держались.

– А откуда у него тогда черный «Мерседес»?

– «Мерседес»? Какой «Мерседес»? – заволновалась она.

Опять этот «Мерседес»! И опять про деньги! Мукаев, мол, подпольный миллионер!

– А это интересно, – рассмеялся вдруг Саша и, сморщившись, схватился за разбитую губу. – Нет, бить я его не буду. Я ему по-другому отомщу. Он ведь в нашем магазине посто-

янный покупатель.

– Не может этого быть!

– Может. Такое лицо разве забудешь? Я тебе говорю: на черном «Мерседесе» приезжает. Справочки надо бы навести. Откуда у следователя прокуратуры такие деньги? И что он делает в Р-ске?

– Как это что делает? Он тут живет!

– И ездит в Москву за покупками? Ой, что-то здесь не так! Чую: большими бабками пахнет. Я этим займусь, пожалуй. – Саша потрогал разбитую губу. – Хороший удар.

– Он бывший боксер. Чемпион города, – с тайной гордостью сказала она.

– Боксер, значит? Следователем работает? Может, у него и оружие есть?

– А как же!

– Правильно говорят: менты – взяточники. И в прокуратуре одни взяточники.оборотни в погонах. Следователем в Р-ске работает, а под Москвой коттеджик да любовница-блондинка. Хорошо устроился! Ну, ничего. Делиться придется.

– Постой... Ты что говоришь-то? Какой коттедж? Какая блондинка?

– Такая. Либо я чего-то не понимаю. Ладно, разберемся.

Она тоже не поняла. Вспомнился тот странный разговор. Казино, рестораны, черный «Мерседес»... «Угадай, как меня зовут?» – «Оля?» Вот почему ей стало не по себе, когда впервые увидела в супермаркете блондинку! Вот в чем дело!

Он живет двойной жизнью! За это и поплатился. Куда бежать? К Руслану? То-то у Свистунова вид такой загадочный! Знает, все знает рыжий!

Но в тот же день следователь Мукаев вновь исчез. И больше не вернулся...

Вечер

Беда не приходит одна. Она, глупышка, так переживала, что не выпало в этом году ни одного счастливого дня! А тут выпал несчастливый! И все еще больше осложнилось. Она стала любовницей Лешки, событие отмечали в шикарном ресторане, а когда вернулась домой... Лучше не вспоминать! Еще на подъезде к коттеджному поселку запахло гарью. Они увидели столб дыма, и ее сердце замерло.

– Это у нас, – упавшим голосом сказала Ольга.

Когда приходит беда, понимаешь простую вещь: на самом деле счастье – это отсутствие несчастья. Она и не понимала, как счастлива, пока не случилось пожара. Стояли самые длинные дни в году, и, пожалуй, самые жаркие. Разразившаяся на днях гроза не спасла положения. Каменная земля не пропускала влагу, солнце, палившее нещадно, в тот же день, как только закончился дождь, выпило ее всю, до капли. В такую погоду нет ничего страшнее пожара. Воздух как сухой порох, летящие искры мгновенно воспламеняют все, что находится в округе. На пожарище сутились люди, вокруг горящего дома стояло аж пять пожарных машин! Из брандс-

пойтов была пена и шапкой ложилась на шипящие бревна, лаяли ошалевшие собаки, кричали соседи, у которых занималась баня. Но Ольгу это не волновало. *Ее* имущество. Ее собственность. Дом, мебель, посуда... Одежда, обувь, украшения, косметика... Машина! В гараже стояла *ее* машина. Она понимала только, что *ничего* не осталось...

Десять лет назад она прилетела в Москву из Хабаровска. Весь багаж – рыжий чемодан из кожзама, набитый тряпками, да пара сумок. Главная ценность – алая лента и фальшивая корона. В том смысле, что ее рыночная стоимость равна нулю, из простого металла, со стразами. Но зато престиж! Вице-мисс Ольга Маркина, второе место на региональном конкурсе красоты, по осени прошедшем на Дальнем Востоке! «Мисс зрительских симпатий»! Гвоздь программы лучшего в городе ночного клуба! Не пропадать же такому таланту?

В родном городе стояли суровые зимы. Ладно бы мороз! На набережной Амура ветер сбивал с ног, такой силы были его порывы. Она же ехала на базу в Сочи, да еще через Москву! Там, в Сочи, должен был пройти отборочный тур на Всероссийский конкурс красоты. Билет ей оплатили. Перехватил в Москве представитель модельного агентства. Кто знает, как сложилась бы дальнейшая судьба Ольги Маркиной, не соблазнись она деньгами?

В кафе на втором этаже за чашкой кофе между двумя авиарейсами шикарно одетая дама гладила ее по руке и шептала на ухо:

– Милочка, там все куплено, места распределены заранее. А цель та же: получить выгодный контракт с модельным агентством. Зачем вам терять время? Завтра же приступайте к работе. У нас для вас есть выгодное предложение.

И так же на ушко назвала цифру, которая тогда показалась Ольге астрономической. Теперь-то она понимает, как дешево ее купили! Но тогда смотрела за окно: на улице плюсовая температура, с крыш капает, тает снег. Возникло ощущение, что прилетела из зимы в весну. В вечную весну. Звенела капель, а ей представлялось, что это ручьем в ее карманы льются деньги. Душа пела.

– Вы ведь даже не первая. Вице-мисс... Потому что все куплено... – журчала дама.

– Да, это правда. – Ольга вздохнула, ее главная соперница летела бизнес-классом в сопровождении родителей. С танцовщицей из ночного клуба они не общались. И было обидно! Ну, так обидно! А цель у всех одна – выгодный контракт с модельным агентством. Зачем же время терять? Надо их опередить. И там же, в кафе в здании аэропорта, Ольга Маркина подписала свой первый контракт.

И первое время была счастлива, потому что не обманули. Хотя и жила на частной квартире с такими же соискательницами денег и славы, но огромный плакат с ее изображением где только не висел! Бывало, не удержавшись, она указывала на него случайным людям, киоскерам, дворникам, просто прохожим и с гордостью говорила:

– Видите? Это я!

Потому что не узнавали. А ей так хотелось славы!

Как быстро все проходит. И главное, юность. Двадцативосьмилетняя модель, которая так и не стала суперзвездой, уже не в цене. Деньги она тратила легко, сбережений никогда не имела. Наряды, косметика, драгоценности, салоны красоты, дорогие курорты... Основным ее капиталом была красота, для нее и старалась. И сейчас вернулась к тому, с чего начинала. Впрочем, нет. И пары чемоданов в активе не осталось. Из вещей ей ничего не удалось спасти. Но рядом стоял мужчина, в которого она и вцепилась:

– Как же так, Леша? Как же так?

– погоди, – поморщился он. – Надо выяснить: что произошло? От чего загорелось?

– Да какая разница?! Все пропало!

– Да. Лаборатория сгорела. Неужели все погибло?

И тогда она ляпнула:

– Хорошо, что я там побывала раньше!

Ладошкин тут же в нее вцепился:

– Ты выкрала его записи? Черновики? Дневники? Что-то скопировала?

– Может быть.

– Ты мне это отдашь?

– Может быть...

– А машина-то уцелела, – услышала вдруг она. – Огонь на соседей перекинулся. Лесок-то отстояли. Впрочем, и баньку

отстояли.

– Какая машина?

Тут и Лadoшкин опомнился:

– Да? Какая машина?

«Merседес», на котором ездил Саранский, они нашли за домом, на обочине. Видимо, Иван вошел с черного хода. Ольга всегда оставляла там ключ под половичком и теперь об этом пожалела.

– Машина принадлежит мне, – тут же заявил Лadoшкин. – То есть фирме, генеральным директором которой я являюсь.

И полез в салон, на водительское место, Ольга тоже нырнула за ним. В замке зажигания торчал ключ. Вздогнув, она узнала брелок: серебряный дельфин с глазами-изумрудами. Ее подарок Ивану.

– Похоже, это он поджег лабораторию, – тихо сказал Лadoшкин.

– Но где же он сам?

– Кто знает? Оп-па!

И он вытащил из «бардачка» пистолет. Ольга вздрогнула:

– Это его.

– У него было оружие?

– Да. Я видела. – Она потянулась к пистолету.

– Стой! Не надо здесь ничего трогать!

Лadoшкин положил пистолет обратно в «бардачок» и поспешно его закрыл. После чего сказал:

– Машину я отгоню к своему дому. Если Иван так и не

Объявится...

– Ты хочешь сказать, что забереешь ее себе?

– Дура! Ты не понимаешь, что происходит! – разозлился вдруг он. – Мы попали в неприятную историю.

Словно в подтверждение его слов, раздался крик:

– Там труп!

Они вздрогнули и переглянулись. Потом одновременно выскочили из машины и кинулись к дому. Ольга бежала первой.

– Стой! Куда?! Не ходить!!! – кинулся ей наперерез один из пожарных.

– Но это же Иван! Пустите!

– Обожжешься, дура! Куда?!

Земля и в самом деле была раскаленной. Такое ощущение, что ее вывернули наизнанку травой внутрь, раскаленными камнями наружу. Отовсюду шел жар. Ольга мгновенно перепачкалась в саже, на нее летела копоть. От запаха гари мутило. Ее не пускали дальше. Лица у пожарных были красные, по щекам струился пот.

– Полицию надо, – сказал кто-то.

– Да едут уже! Звонили!

Стиснув пальцами, словно клещами, ее локоть, Ладошкин шепнул на ухо:

– Я тебе сказал, что мы вляпались. Теперь поняла?

– Ты думаешь, его... убили?

– Ничего я не думаю. Кроме того, что у меня будут про-

блемы. И у тебя тоже.

– Я-то здесь при чем?

– Ты слишком много знаешь...

День третий

Утро

«Ты слишком много знаешь...» Она поначалу думала, обойдется. Опознать обгоревший труп было невозможно, но Ольга сразу поняла, что это Саранский. Кому еще придет в голову спалить лабораторию? Это он поджег дом, а сам не успел выбраться из огня. Он окончательно сошел с ума. И машина. Его машина.

«Мерседес» Ладоскин отогнал к своему дому. Он жил неподалеку в небольшом, но уютном коттедже, купленном в кредит. Ольга знала об этом, потому что он все время жаловался. Проценты, мол, сумасшедшие, не надо было связываться с банком. Но ведь рискнул! Зато теперь руки у него развязаны. Иван-то погиб!

Ольга переехала к Лешке, и все пошло по второму кругу. Потому что о «Стиксе» она опять слышала каждый день. И каждый день боялась, что проболтается. Лешка оказался редкостным занудой. Тема поднималась снова и снова.

– Ничего у меня нет, – отмахивалась она.

– Но ты же сама сказала: хорошо, что я побывала там раньше.

– Я ляпнула это сторяча.

– Но ты это сказала...

Развязка наступила в тот день, когда по федеральному ка-

налу показали документальный фильм о «Стиксе». Заветное слово не прозвучало, название фирмы тоже, но оба почувствовали: уже близко. И не ошиблись.

На следующий день она была крайне раздражена. Ночью мучилась бессонницей, утром с досадой разглядывала синие круги под глазами, потом сломала ноготь и разбила тарелку.

– Что ты наделала?! – заорал Ладошкин, влетая на кухню. Пол был из плитки, под мрамор, и упавшая тарелка разлетелась на мелкие кусочки.

– Тарелку разбила, – пожала плечами она.

– Но она из сервиза!

– И что?

– Ты знаешь, сколько я за него заплатил?!

– И что?

– Ты не умеешь беречь вещи!

– И что?

– Потому что тебе легко все достается!

– Мне легко?! Ну, знаешь...

Завтракали молча. Поднявшись из-за стола, она сказала:

– Дай мне ключи от машины.

– Зачем?

– Мне надо в аптеку.

– В доме полно лекарств, – проворчал он.

– Может, и тест на беременность имеется? – съязвила она.

– Зачем он мне?

– Тебе незачем. *Мне* нужен.

– Зачем?

– Я же тебе говорила: у меня задержка! Я думала, что на нервной почве. Последние два месяца моей жизни были не особенно приятными. К врачу так и не обратилась. А теперь пора. Но сначала я хочу сама убедиться.

– Ты что, беременна?!

– Слава тебе! Дошло! Я пока не знаю. У меня и раньше так бывало. Когда на диетах сидела и нервничала. Дай мне ключи.

– Мне только этого не хватало! – Он вскочил и забегал по кухне. – Нет, он сделал все, чтобы отравить мне жизнь! Как же я его ненавижу!

– Ты дашь мне ключи или нет?

Он метнулся в комнату и вскоре швырнул на стол ключи от машины. Сверкнули изумруды. Она вздрогнула: на столе лежал брелок с серебряным дельфином, ее подарок Саранскому.

– Ты дал мне ключи от его «Мерседеса»?

– Ты хочешь, чтобы я доверил тебе *свою* машину?

Увы! Ее машина сгорела в гараже во время пожара. Еще и эта потеря. У Ольги не осталось ничего. Она сжала в руке серебряного дельфина и тихо сказала:

– Ну, хорошо. Пусть будет так.

О том, что едет совсем в другую сторону, она сообразила не сразу, глаза застилала слезы. Потом поняла, что и денег не взяла. Кошелек с кредитной карточкой и наличными остал-

ся дома. Надо возвращаться. С досады затормозила резко и минут пять стояла на обочине. Бросить все и уехать. Сбежать. Сейчас, немедленно. Но куда? Документы тоже сгорели. Когда они поехали в ресторан, она не взяла из дома ничего, даже водительские права. Зачем, если ехали на его машине? Хорошо хоть остался кошелек, в котором лежала кредитка. Вечернее платье и маленькая сумочка, вот и все, что при ней имелось. Было так жарко, что она обошлась прозрачной накидкой, лучше бы взяла свитер или плащ. Знать бы, где упасть... Теперь надо восстанавливать документы, заполнять кучу бумажек. А ведь у нее и прописка была липовая. В доме, который она никогда не видела, где-то на самой окраине Московской области. И вообще: она ему никто. Саранскому. Вот и доигралась, милая!

Ну, почему он с ней так поступил?!

Она все-таки вернулась. Издалека увидела, что у дома Ладошкина стоит незнакомая машина. И резко свернула в сторону. Оставив «Мерседес» на обочине за домом, так сделал Иван, здесь густой кустарник, Ольга, крадучись, подошла к окну. Они сидели в гостиной, прозрачная занавеска подрагивала от легкого ветерка. Ладошкин терпеть не мог жалюзи. На окнах его коттеджа, отделка и обстановка которого были в духе времени, висели старомодные тюлевые занавески. Ольга замерла.

– ...Я не знаю, где она! Уехала в аптеку.

– В какую?

– Не знаю!

– Когда уехала?

– Ну, минут десять назад.

– А в какой аптеке она обычно делает покупки?

Голос человека, задававшего вопросы, был ровный, без всяких эмоций. Она не понимала, почему Лешка так нервничает.

– Она живет здесь недавно! И в аптеку поехала впервые! Я не знаю, в какую!

– Ну, хорошо. Тогда поговорим с вами, Алексей Петрович. Расскажите нам все, что вы знаете.

Нам?! Значит, их несколько. Один задает вопросы, а другие... Она вздрогнула и хотела убежать. Но ноги вдруг стали ватными. Присела на корточки. Они говорили тихо, но слух у нее настолько обострился, что было слышно каждое слово.

– О «Стиксе». Или икс-транквилизаторе Саранского. Как вам угодно.

– Я ничего не знаю!

– Да бросьте. Как получали газ курьеры? Кто переправлял его в Р-ск? Послушайте, вы вообще жить хотите?

– Но...

– То, чем вы так беззастенчиво распорядились, вам не принадлежит. И Саранскому тоже. Ему простительно: он был сумасшедший. Возомнил себя Богом. Решил, что всех обманет. Вы знаете, что он собирался за границу?

За границу? Она вздрогнула.

– Как – за границу?

– Его документы лежат в американском посольстве. Он сумел вывезти деньги из страны. На его имя в иностранном банке открыт счет. Вы знаете сумму? Я вижу, Алексей Петрович, что вы не в курсе. Саранский вообразил, что ему позволят уехать.

– Он о... один туда собирался?

– Да. А с кем же?

Ей хотелось заплакать. А что было бы с ней? Умер он или выбрался бы из пламени, ее судьба от этого не менялась. Ее вычеркнули из списка живых. Давно вычеркнули.

– Ни вас, ни любовницу он брать с собой не собирался. Его открытие действительно значительно. Хотя не будем преувеличивать. Его еще надо довести до ума. И все проверить. Но за границу это уйти не должно ни при каких условиях. Мы и так много потеряли. Утекали кадры, терялись научные открытия, сделанные нашими учеными. Теперь с этим покончено. И у нас есть деньги, чтобы финансировать дорогостоящие эксперименты. Мировая слава – это тоже товар. И то, под каким флагом сделано открытие, имеет огромное значение. Он этого не понимал, ему простительно. Гении – это люди не от мира сего. Им безразлично, кто финансирует эксперименты и кому принадлежит результат их деятельности. Они полагают, что им. Это заблуждение. Им принадлежат только деньги, полученные за работу. И слава первооткрывателя. Но прибыль принадлежит тому, кто вложил в ис-

следования, рискнул своими вложениями. Препарат должен быть нами же и запатентован. Когда Иван только-только начинал работать над «Стиксом», был заключен соответствующий договор. Саранский его нарушил. Но вы-то, Алексей Петрович! Ведь вы обычный человек. И, к счастью, не сумасшедший. Отдайте то, что вам не принадлежит. И покончим с этим.

– Но у меня ничего нет! Клянусь!

– А у кого есть?

– У нее. У Ольги. Я так думаю.

– Думаете или уверены?

– Она сказала... Когда горел дом... «Хорошо, что я побывала там раньше».

– Она могла сказать это сгоряча, будучи в расстроенных чувствах. Ведь все сгорело.

– Я это и пытаюсь выяснить, – оживился Лadoшкин. – Вот уже несколько дней я завожу разговор о «Стиксе».

– И как?

– Пока никак.

– Она куда-нибудь отлучается?

– Мы все время вместе. Думаете, я не понимаю? Если у нее есть где-то тайник, как только я уеду на работу, она сразу кинется туда. В моем доме бумаг нет. Ни бумаг, ни диска, куда она могла бы скопировать его записи. Сюда она приехала с маленькой сумочкой, в вечернем платье и в прозрачной накидке. Сумочку я проверял, – торопливо сказал он. – Пу-

сто. Я ни на шаг ее не отпускаю.

– А как же аптека?

– Но...

– Вот видите.

– Как только она приедет, я...

– Хорошо. У вас есть две недели. Первое, что вы сделаете, экспертизу ДНК. Я имею в виду обгоревший труп. Надо знать наверняка, он это или не он. Больше никаких случайностей. От этого человека всего можно ожидать. Мы хотим знать наверняка, жив Саранский или умер. Физико-технической экспертизы недостаточно.

– Что это: физико-техническая?

– Фотографию черепа трупа, если он имеется, сравнивают с прижизненной фотографией. Но этого недостаточно. У него есть родственники?

– Д-да. Мать.

– Навестите ее. Нам нужны ткани на анализ.

– А... деньги?

– Как-как?

– Это дорогостоящая экспертиза. И... Я могу рассчитывать на какую-то компенсацию? Ведь мои потери...

– Можете. При одном условии. Если докажете, что это принадлежит вам. Не бандиты же мы. Докажите, что законно всем этим пользовались, и тогда...

– Нет-нет. Я не хочу никаких разбирательств. Тем более в суде. Ведь вы на это намекаете?

– Намекать не мое дело. Я вам объясняю, как вы должны поступить. По закону не хотите, а без закона есть только право сильного. Можете им воспользоваться. У вас две недели. Больше она не вытерпит. На ее счете почти нет денег.

– Откуда вы знаете?

– Алексей Петрович...

– А... если с ней поговорить?

– Ну, поговорите. – В голосе того, кто ответил, ей почудилась насмешка.

– Может, ее... Припугнуть, а? Применить силу? И она все скажет...

– Вам что, не жаль ее? Красивая, кажется, женщина. Она ведь теперь ваша любовница?

– Любовницу я и другую найду.

– А жизнь, она одна. Понятно. А если у нее ничего нет?

– Есть, я уверен!

– Ну, хорошо. Если в течение двух недель она не наведется в свой тайник... Ее все равно надо убирать. Она слишком много знает. Так сложились обстоятельства. Ее уже нет. Все ее вещи и документы сгорели. Нет смысла восстанавливать в правах этого человека. Проще оставить все как есть. Дешевле. Ведь вы умеете считать деньги? Или вы сами собираетесь этим заниматься? Ею, ее документами?

– Я? Нет. Я не... не буду. Мне все это и так недешево обойдется.

– Ну, вот и решили.

Круг замкнулся. Когда Ольга услышала эту фразу, дрожь в ногах прошла. Терять больше нечего. Она все так же осторожно, прячась за кустами, стала отходить к калитке. По крайней мере, дали две недели. А может, рассказать им все, что она знает? Толку-то? Это ничего не изменит. Она им не нужна.

Села в «мерс», замерла. Послышались голоса. Она открыла «бардачок». Пистолет по-прежнему лежал там. Машинально потянулась к нему. Толку-то.

Хлопнула дверца, заурчал мотор. Она сидела, не дыша и не шевелясь. Уехали. Перевела дух и закрыла «бардачок». Еще какое-то время посидела в машине. Потом завела мотор, обогнула дом и въехала в ворота. Шла по тропинке, сжимая в руке брелок. Плавники серебряного дельфина впивались в ладонь. Но боли не чувствовала. Алексей встретил ее на крыльце. Улыбнулся фальшиво:

– Уже вернулась?

– Да.

– Купила, что хотела?

– Да, все в порядке.

«Это меня уже не волнует. Не сейчас». Она прошла в гостиную, Ладошкин следом. Положила ключи от машины в сумочку, кинула ее на диван и рассеянно поправила выбившуюся из прически прядь. Вот здесь все и случилось. Где сидел он? А где *они*? Было ли у них оружие? Скорее всего, да. Ведь он так напуган. До сих пор у Лешки губы дрожат.

Глядя на ее сумочку, лежащую на диване, он сказал:

– Я подумал, что нам надо развеяться. Извини меня за утреннюю ссору. Я был не прав.

– Что ты! Это я была не права. А насчет развеяться...

Она взяла с полки маникюрный набор. Достала ножнички и принялась срезать ногти.

– Что ты делаешь?!

– А что такое? – спросила равнодушно, не прекращая орудовать ножницами.

– Твои ногти! Ты же так над ними дрожала!

– Разве? А по-моему, ерунда.

– Но они же были такие красивые!

– А тебя это волновало?

«Что я только для вас не делала?» Нет, ему все равно, как она выглядит. Зря старалась. Ногти – это мелочь. Пустяк. С удовлетворением поглядела на свою руку, пояснила:

– Я утром сломала ноготь. Пришлось пожертвовать остальными. Не переживай, я поеду к Марусе и все исправлю.

– Маруся – это... – он наморщил лоб.

– Стилист. Мне и стрижку надо подправить.

– Да-да, – оживился он. – Тебе надо развеяться. Ты бы пошла переоделась.

Она поймала его взгляд: косится на сумочку. Усмехнулась и кивнула:

– Хорошо. Я переоденусь и позвоню Марусе. У него за-

пись. Но это дорого. А у меня почти не осталось денег.

– Я сделаю все, как ты скажешь! – невпопад ляпнул он, подходя к дивану поближе к ее сумочке.

«Еще бы! Ты думаешь, тебя после этого отпустят? У тебя тоже есть только две недели. Время пошло. И если бы ты был умнее... Но каждый сам за себя! Я буду спасаться, а ты ничего об этом не узнаешь. Мне еще надо разобраться с педикюром».

Вечер

– Руслан! А ну, стой! – вцепилась в него Зоя, когда он собрался переходить улицу.

– Чего тебе, Паренкина?

– Какая я тебе Паренкина! Вспомнил! Сто лет как Мукаева! А ну, говори, где твой дружок закадычный? Где Ванька? Колись давай, Свисток!

– Какой я тебе Свисток? Тю-у! Вспомнила! Отцепись от меня, Паренкина! Нету твоего Вани! Был и кончился! Сгинул!

– Врешь! Откуда тогда деньги?

– Какие деньги?

– Мне письмо пришло. А там сберкнижка. На предъявителя. Обратный адрес твой.

– Я тебе, выходит, деньги послал? Ну, бывает. Пользуйся.

– А ты не шути. Кончились шутки. Там девятьсот тысяч, если на рубли перевести.

– Сколько?!!

– Девятьсот. Ну, почти. Что это за деньги?

– А я откуда знаю?

– Врешь! Все ты знаешь? Где Мукаев?

– Не знаю! Сто раз тебе говорю: не знаю!

– Что же мне теперь делать?! – зарыдала Зоя.

– Что-что... Деньги тратить!

Он оторвался, наконец, от нее и шагнул на зебру.

– Руслан? Ты куда?!

– В ближайший ларек. За водкой.

– Да куда ж тебе еще водки?

...В дверь настойчиво звонили. Еще раз и еще... «Сашка, что ли?» – подумала она и в прихожей перед зеркалом подкрасила губы.

– Руслан? Ты?!!

– Не ждала?

– Я думала, ты в роддоме у жены.

– Что мне там, поселиться? Сама же сказала: заходи.

– Когда сказала?

– По телефону. Не помнишь?

Олеся отступила в прихожую, он вошел, но на пороге споткнулся, оперся рукой о стену:

– Спокойно.

– Да ты пьян в стельку! – ахнула Леся. – А я думала, врут люди! Будто ты, как только Ванька снова сгинул, запил!

– Могу пить, могу и не пить, – пробормотал он. – А ну-ка...

Подвинув ее плечом, Свистунов ввалился в комнату и со стуком опустил на стол бутылку водки, после чего уселся на диван.

– Ну, нет! – возмутилась она. – Здесь ты пить не будешь!

– Эт-та еще почему?

– Потому что не будешь! Ты за этим пришел?

– Нет. Выходи за меня замуж.

– Спятил! У тебя жена родила! Давай катись отсюда!

– Я ведь зна-аю, почему ты из прокуратуры уволилась, – пьяно погрозил ей пальцем Руслан. – Потому что, как я, тебя никто не знает. Я все понял, потому и...

– Догадливый, мент, – прошипела она. – Ты потому такой смелый, что Ваньки нет. Ты при нем порог этого дома боялся переступить. А теперь, выходит, осмелел?

– Ты думаешь, я его боялся? – прищурился Руслан.

– Да какое там! Просто он тебе был дороже всех баб на свете. Все, кончилась дружба? А если он вернется?

– Нет, – тихо сказал Руслан. – Он не вернется.

– Что ты знаешь? Где он? Я сама хотела с тобой поговорить, но вижу, ты лыка не вяжешь.

– Я в п-порядке.

– Иди спать, Руслан.

– Иду. – И он растянулся на диване.

– О господи! Как я людям в глаза-то буду смотреть! Мало

мне было стыда! Руслан!

В дверь снова звонили. Свистунов поднял голову:

– Кто это?

– Любовник!

Он резко сел на диване:

– Так. Успела уже.

– У тебя на меня какие-то права? Мы десять лет как расстались! Я имею право на личную жизнь! Ты и сам женат! Двигай к двери. И чтоб никакого цирка, понял?

– Есть. Без цирка.

Руслан поднялся с дивана, взгляд у него был ясный и трезвый. «Комедиант!» Она метнулась в прихожую. На пороге стоял Саша с букетом цветов. Роскошные розы.

– Привет. Это тебе. – Он протянул букет.

– Спасибо. Какие красивые! Входи.

– Минуточку.

Ее вдруг взяли за плечо и резко дернули назад. Из-за спины выступил Руслан:

– Товарищ, по какому праву дарим женщине розы?

– Руслан! Я тебе что сказала?!

– Это еще кто? – оторопел Саша.

– Я тебе сейчас представлюсь.

Руслан почти без замаха ударил менеджера по персоналу в челюсть и левой добавил в сплетение. Саша рухнул на бетонный пол, Леся ахнула и закрыла лицо розами.

– Это без цирка, – зло сказал Свистунов. – Как обещал.

Бывай, Олеся Владимировна! Счастья тебе. В личной жизни. – И, насвистывая, побежал вниз по лестнице.

Саша закашлялся и поднялся с пола. Спросил, сплевывая кровь:

– У тебя что, в любовниках сборная города по боксу?

– Это не любовник.

– А кто?

– Жених. Бывший.

– И тоже мент?

– Да.

– Бывает. Роковая ты женщина, Олеся... как он сказал? Владимировна? Ты бы разобралась с правоохранительными органами, кто тебе кто. Я, собственно, поговорить приехал. Больше в квартире никого нет? Еще одного бывшего? – с опаской спросил он.

– Нет. О господи! Входи. – Она посторонилась. – У тебя опять на лице кровь! Извини. Ради бога, извини. Он же пьяный в стельку!

– Если он пьяный так бьет, трезвого его надо в сборную страны брать.

– Трезвый он смирный. И веселый. Ты Мукаева не знаешь. То есть знаешь. Что я говорю! Ну, Свисток! Получишь ты у меня!

– Вот, кстати! О нем я и приехал поговорить. О следователе Мукаеве. О! И бутылка на столе! Как кстати!

– Я сейчас закусить соберу. Ну, Свисток! – бормотала она,

несясь на кухню. – Так я никогда замуж не выйду! Ну, погоди у меня!

Она загремела тарелками. Одна упала на пол и разбилась.

– Да что ж это такое?! – ахнула Леся. – Что сегодня за день такой?!

– На счастье.

Саша стоял на пороге, трогая разбитую губу. И добавил:

– Не суетись. Ночь будет долгой. Ты готова?

– К чему?

– Мне показалось, что ты и следователь... Или показало-сь?

– Говори: что случилось?

Он придвинул табурет, сел и сказал:

– Короче. Пока навел справки, выяснил адрес... Мы ему продукты на дом доставляли. Иногда. В общем, пробил по базе и все узнал. Но опоздал. Коттедж-то его сгорел!

– Какой коттедж?

– Под Москвой. Я тебе говорил. Что касается блондинки...

Она вздрогнула:

– Ольги?

– Ну да. Ольги. Она переехала к генеральному директору фирмы «АРА». В тот же день. У него дисконтная карта в нашем супермаркете, у Ладощкина. Скупердяй, каких мало. Но зато в базе все есть: фамилия, имя, адрес, телефон, год рождения. Полная информация. Мы на таких клиентов до-

сье собираем. Деньги у него имеются. Это хорошо. Значит, и у нее есть. Теперь о плохом. В сгоревшем доме нашли труп.

– Чей? – Она без сил опустилась на стул.

– Похоже, что его. Следователя Мукаева.

– Ох!

– Только он жил там под именем Ивана Александровича Саранского.

– Как так? Не понимаю...

– Я тоже не понимаю. Может, у него был брат-близнец?

– Какой еще брат? Я хорошо знаю его мать. Ваня – единственный сын.

– Не было, значит? Ну, тогда он жил двойной жизнью. Хотя я не понимаю: как он успевал?

– Выходит, он умер?

– Выходит, что так.

– Ох!

Она зарыдала. Саша подошел, положил руку на плечо:

– погоди. Ты же мне сама говорила: все кончено. Помнишь? Что ты его теперь ненавидишь. Ну? Помнишь?

– Ваня, Ваня... Как же так? За что мне это? Значит, не вернется больше... Как же так?

– погоди, я выпить принесу.

– Мне лучше водички.

Она все не могла успокоиться. Ведь оплакала уже однажды, в конце апреля. А все равно болит. Выходит, Руслан правду сказал. *Он* больше не вернется. Не за этим ли прихо-

дил? Потому и пьет. Друга потерял. Саша пытался ее успокоить:

– Ну, что ты от него хорошего видала? То бросал, то возвращается. А любовнице бриллианты дарил, машину. Зато теперь можно пожить. О себе надо думать.

– Что думать?

– У него наверняка остались деньги. Припрятал на черный день. У любовницы.

Она перестала плакать:

– Ты что, шантажировать ее собрался?

– Сначала просто поговорить. Кое-какую информацию я уже собрал. Она приехала в Москву из Хабаровска, лет десять назад. Работала моделью, но крупных контрактов так и не заключила. Пришли юные девочки, подвинули ее, а потом и вовсе задвинули. В этом бизнесе чем раньше начнешь, тем лучше и дороже. Она поспешила родиться. Но зато подцепила Саранского. На юге во время отдыха.

– Это когда он с Зоей, что ли, отдыхал? По путевке?

– Зоя – это...

– Жена.

– Значит, есть еще и жена. Но деньги у любовницы, я уверен. Та еще штучка.

– Расскажи мне об Ольге. Я знаю, что мы с ней до странности похожи.

– Это правда. Я этого Мукаева тем более не понимаю. Иметь в любовницах двух одинаковых женщин, одну по ме-

сту работы, в родном городе, а другую...

– Зато я все понимаю! – взвилась она. – А я-то, дура, в Р-ске искала! Ей, значит, все, а мне ничего! Узнаю Мукаева!

– Вот это уже слова разумного человека, – с удовлетворением сказал Саша. – Вспомни, как тебя обидели.

– Теперь я понимаю... – Слезы окончательно высохли. – Понимаю, к чему были эти разговоры. О казино, ресторанах, «Мерседесе» и больших деньгах!

– Значит, у него было много денег? – жадно спросил Саша.

– Надо думать! Вот с кем он меня перепутал! Господи! Какая же я была дура!

– Умница. Вот теперь умница. Нам надо решить, как до этих денег добраться.

– Знаешь, я боюсь.

– Чего?

– Не знаю. У меня странное чувство. Мне туда нельзя.

– Куда нельзя?

– К ней.

– Не говори ерунды, – отмахнулся Саша. – Подумаешь, похожи! Мало ли на свете похожих людей? Короче, я буду говорить, а ты слушай...

День четвертый

Утро – полдень

У Ольги невыносимо разболелась голова. Ладошкин не отпускал ее ни на шаг, окружив таким вниманием и заботой, словно бы она была из хрусталя. Даже дотронуться боялся, а спать ушел вниз, в гостиную. «Ждет, – догадывалась Ольга. – Или... Ему что-то от меня нужно?» Она делала вид, что ничего не замечает. Спала беспокойно, то и дело вздрагивала, просыпалась и радовалась, что он всего этого не видит. Выражения ее лица, внезапных слез и того, как она отчаянно сжимает руками подушку. Нервы. Ошибка будет стоить ей жизни. Ошибиться нельзя.

Утро следующего дня началось с того, что за завтраком Лешка вкрадчиво спросил:

– Ты не хочешь прокатиться?

– Куда?

– В Р-ск.

Она невольно вздрогнула:

– В Р-ск? Зачем?

– У Ивана там мать. Живет неподалеку. В Горетовке.

Кстати, вы знакомы?

– Виделись пару раз, – неохотно сказала она.

С матерью Саранского у нее сложились напряженные отношения. Должно быть, Иван все свалил на нее. Это она,

мол, детей не хочет. И Лидия Станиславовна явно испытывала к гражданской жене сына неприязнь. К тому же Ольге не нравилась сама Горетовка, не нравился особняк Саранских и природа в окрестностях. Она привыкла к другому и тосковала по суровому, но красивому краю, где родилась. Дома не была уже лет пять, но часто видела во сне свой родной город. Видела почему-то с высоты птичьего полета. Самолет летел из мрака ночи на восток, на солнце, которое разгоралось все ярче и ярче, пока глазам не становилось так больно, что рука сама тянулась к шторке иллюминатора: опустить. Потом самолет начинал снижаться, ложился на правое крыло, но казалось, что это земля опрокинулась, над головой вместо неба сопки и голубые озера, готовые вот-вот пролиться...

И в этот момент она вздрагивала и просыпалась. Здесь все было чужое, хотя и прошло десять лет, как она уехала из дома. Привычка – это не то же, что голос крови, голос родины. Все равно будет тянуть туда, где плохо, трудно, но ты была счастлива. Коротко, дня два-три, но зато не сравнимо ни с чем. Никакие деньги и удовлетворенные амбиции этого дать не могут. Дома бы побывать. Дома... В Горетовку же Ольгу не тянуло вовсе. Ехать в деревню к женщине, которая относится к ней с такой неприязнью... Нет уж, увольте! Она так и сказала:

- В Горетовку я не поеду.
- Но надо же ей сказать.
- Скажи сам.

– Тут нужна женская деликатность.

– Позвони ей.

– Э-э-э... – Он замялся. – Его тело... то есть то, что от него осталось... лежит в морге. И перед тем, как... Надо бы провести опознание.

– Считай, что я его опознала.

– Ты не понимаешь! – Ладоскин вскочил и забежал по кухне. – Мы должны знать наверняка, он это или не он!

– А кто же еще? Кому придет в голову спалить дом? Он это сделал мне назло.

– Дура!

– Я ему никто. – Она проигнорировала оскорбление. Не то время, чтобы обращать внимание на пустяки. – И похоронами заниматься я не обязана.

– А как же его ребенок?

– Какой ребенок?

– Ты сказала, что беременна.

– Мало ли, что я говорила. И вообще. Он детей не хотел. Обо мне не позаботился. С какой стати я должна теперь им заниматься?

– Оленька... Так надо, понимаешь?

– Кому? – Она смотрела в упор.

– Нам. Надо туда съездить.

– А почему ты не можешь поехать один?

– Я не хочу тебя оставлять в таком положении одну... – мялся Ладоскин.

– Я тебе говорю: нет никакого положения.

– Давай так. Отныне мы всегда будем вместе.

– Ты мне что, предложение делаешь?

– Э-э-э...

– Я согласна.

Она тоже встала. Смотрела сверху вниз, ростом он был ниже. Ладоскин отвел глаза.

– Ну? Когда мы распишемся? – спросила она.

– Э-э-э...

– Мне нужны новые документы. Хорошо, что я не торопилась. Это будет кстати: новая фамилия и прописка. Здесь, в этом доме. Ты ведь пропишешь у себя жену? Недельки через две. Так? И ты признаешь своим ребенка?

– Ты же только что сказала...

– Мало ли, что я говорила! Я сказала, что не поеду в Горетовку. А теперь говорю: поеду. Если ты на этом настаиваешь. Гормоны, понимаешь? С беременными это случается. Но сначала я позвоню Марусе. Мне надо привести себя в порядок.

Он без сил опустился на стул и вытер со лба пот. Ольга ушла в гостиную, где остался мобильный телефон. Набрала номер и услышала знакомый голос:

– Это Маруся, ну куда же ты пропала?

Никто уже и не помнил, как на самом деле звали этого странного человека. Всех своих многочисленных клиенток независимо от возраста и положения он звал Марусями. Это

имя к нему и прилипло. Маленький, полный, но подвижный, словно ртуть, и глаза такие же, блестящие, металлические, пегие волосы стянуты на затылке в хвост простой аптекарской резинкой. Эта копеечная резинка стала достопримечательностью салона, где самая дешевая стрижка стоила четырехста долларов. Всем своим клиенткам Маруся был лучшей подружкой, они охотно с ним откровенничали. Ходили слухи, что он гей, но это мало кого волновало: его любовники и то, как он проводит свободное от работы время. Во время сеанса Маруся никогда не говорил о себе, только о женщине, над головой которой колдовали его руки. Качество бесценное в век безмерного эгоизма, когда людей интересуют только они сами, их собственные достижения и проблемы. Запись к Марусе велась на месяц вперед, Ольге повезло, что сейчас лето и многие клиентки разъехались. Кто по модным курортам, кто по дачам. Договорились быстро, после чего Ольга пошла объясняться с Лешкой.

Тот выглядел неважно. Пил какие-то таблетки и морщился.

– Что с тобой? – спросила она равнодушно.

– Так. Пустяки. – Упаковка мгновенно исчезла со стола.

– Маруся примет меня послезавтра. Так что можем съездить в Горетовку хоть сегодня.

– Да? – Он откровенно обрадовался.

– А лучше завтра, – мстительно сказала она, решив его еще немного помучить. – Сегодня поедem в магазин.

– В холодильнике полно продуктов, – попытался возразить он.

– А мне хочется чего-нибудь особенного... Ну, ты понимаешь.

– Так ты беременна или нет?

– Догадайся. Ха-ха!

– Мне надо позвонить, – пробормотал он.

– Кому? Гинекологу?

Теперь он смотрел на нее со злостью и даже не сдерживался. «Жених! – усмехнулась она и мстительно подумала: – Это тебе за предательство. Впрочем, о чем это я? Предать можно друга, жену, любимого человека. А я ему никто. И всегда была никто. Так что все правильно».

...Она все ломала голову: как бы это сделать? Что бы такое придумать? Какой ход? Все должно выглядеть естественно. Он подошел к ней сам. Как говорится, на ловца и зверь бежит. Похоже, у них с менеджером по персоналу был взаимный интерес, хотя она понятия не имела, чем его так заинтересовала. Тем не менее, едва Ладошкин отошел в аптечный киоск, к ней подскочил высокий плечистый мужчина в белой рубашке. «Александр Нахрапьев», – прочитала она на бейдже и невольно улыбнулась.

– Здравствуйте, Ольга.

– Откуда вы меня знаете?

– Вы – наша постоянная клиентка. Я все искал случая с вами поговорить, но вы никогда не остаетесь одна.

– Да, мой жених меня ни на шаг не отпускает.

– Жених?

– Да. А что вас удивляет?

– Ваш выбор. Я видел вас с другим мужчиной, не далее как...

– Он погиб при пожаре, – оборвала его она.

– Примите мои соболезнования.

– Ни к чему. Я не об этом хотела поговорить.

– Поговорить? – На его лице появилось удивление.

– Ну да. Мой жених частенько доставляет вам неприятности. Так получается, что мы делаем покупки в вашу смену. –

Она обернулась: за кассой сидела шатенка, на нее похожая.

– Ну что вы! – расцвел улыбкой Нахрапьев. – Какие пустяки! Клиент всегда прав.

– У меня скоро свадьба. Отличное настроение. И я хотела бы сделать вам подарок. Вашей смене. Маленькая компенсация за причиненные неудобства.

– Какой подарок? – оторопел он.

– Поход в сауну.

– В сауну? Летом?

– Неизвестно, какая погода будет через десять дней. Синоптики обещают похолодание.

Краем глаза она заметила маневр Ладошкина. Увидев их, тот было дернулся, но потом отошел на пару шагов и сделал вид, что рассматривает товар, выставленный на витрине.

– Но... Это так необычно!

– Вы отказываетесь?

– Нет. Я тоже искал случая познакомиться с вами поближе.

– Что-о?!

– Вы не так меня поняли.

– Представьте мне список тех, кто пойдет. Особенно я хочу, чтобы была та девушка, – она кивнула через плечо. – Кассирша. Помните инцидент с двумя батонами хлеба? Она не виновата.

– Олеся?

– Ее Олесей зовут? Отлично! Мне нравится это имя! Позвоните мне завтра. Вот моя визитка.

– Отлично. Ольга Маркина. Модель, – прочитал он, перед тем как положить визитку в карман рубашки. – Я так и думал, что вы модель. Вы очень красивая.

– Я оплачу счет. И скажу вам адрес. Не беспокойтесь, далеко вам ехать не придется, в окрестностях полно уютных местечек, где можно приятно провести время. Надеюсь, вас не удивит, если там будем и мы с женихом?

– Что вы! Я тоже рассчитывал встретить там вас, Ольга! Нам надо поговорить.

– Поговорим. Через десять дней. Скажите, а вы хорошо знаете эту... Олеся?

– Хорошо ли я ее знаю? – Он усмехнулся. – Мы знакомы недавно, но... Я ее уже узнал. И хорошо.

– Откуда она?

– Из Р-ска.

– Из Р-ска?!

«Это судьба», – подумала она. И пояснила:

– Я там бывала. Мимо проезжала. Есть такая деревня в Р-ском районе. Горетовка. Впрочем, вам это не интересно.

– Мне интересно все, что связано с вами.

«Поухаживать решил? Как кстати!»

– Я вам позвоню, – пообещала она.

– Вот моя визитка, – спохватился Нахрапьев.

– Вовремя вспомнили, – улыбнулась она, засовывая визитку в сумочку. – Где же мое сокровище?

Александр Нахрапьев все понял и отошел, тут же из аптечного киоска вышел Ладошкин и направился к Ольге:

– Что он от тебя хотел?

– Старший менеджер? Я решила сделать им подарок, раз у меня скоро свадьба.

– Им? – слегка напрягся Ладошкин.

– Их смене. Я решила подарить им отдых в сауне.

– Что за дурацкая идея?

– А по-моему, неплохая. Что они видят? Работа – дом – работа. Посмотри: в торговом зале одни женщины.

– И грузчики.

– Грузчиков я не приглашаю. Человек десять, не больше.

– И по какому принципу ты будешь их отбирать?

– Это мое дело. Главное, чтобы приятный вечер состоялся. Кстати, и нам бы не мешало попариться перед свадьбой.

Под венец пойдем чистенькими. Ты не против?

– Я согласен, – поспешно сказал Лadoшкин. – Возьми те-
лежку и иди в торговый зал. Мне надо сделать один звонок.
По работе.

«Докладывать побежал, – усмехнулась она, поворачива-
ясь к нему спиной. – Ну, беги. Звони. Я даже знаю кому. Ка-
кой же дурак!»

...«Попалась, попалась...» – думал Лadoшкин, дрожащи-
ми руками доставая из кармана мобильный телефон:

– Это я.

– Слушаю вас, Алексей Петрович.

– Она пошла на контакт. Передача состоится в сауне, че-
рез десять дней.

– В сауне?

– Ну да.

– А кто он?

– Менеджер по персоналу в супермаркете.

– Менеджер? Вам не кажется это странным?

– Может, у них был роман? Она делает здесь покупки уже
не один год. А Саранского...

– Это имя не надо называть.

– Его интересовали только...

– Можете не объяснять. Значит, она оставила диск или
записи своему любовнику. Но почему в сауне? Впрочем, нам
надо дождаться передачи документов и все изъять.

– А может, не дожидаться? Если мы знаем, где бумаги?

Взять его в оборот и...

– Не стоит всех считать дураками. А вдруг это ошибка? Ждите. И по-прежнему не отпускайте ее ни на шаг.

– Я все понял. Завтра мы едем в Р-ск.

...Она с самого начала знала, что от вояжа в Горетовку удовольствия не получит. Но теперь у Ольги там был свой интерес. Синоптики не обманули: похолодало, небо затянуло тучами. И все вздохнули с облегчением, так измотала изнуряющая жара. Она ехала, равнодушно глядя в окно, пока на горизонте не показался Р-ск.

– Мне надо в аптеку, – сказала она, увидев первые дома.

– Зачем?

– Нужно объяснить?

Остановились у аптеки. Потом она зашла в магазин на главной площади города. Он сидел в машине, ждал. Ольга же неторопливо прошла вдоль сквера, отметила на горе отштукатуренное здание, на фронтоне огромные буквы: «Десятый вал». Подумала: «Из окон, должно быть, открывается отличный вид на город». Сев в машину, сказала с улыбкой:

– Мне здесь нравится.

– Что тут может нравиться? – буркнул он.

– А сам ты где родился?

– Да так... – Он неопределенно махнул рукой.

– Понятно.

– Что тебе понятно? – начал злиться Лешка.

– А ты не заводись. Может, я хочу узнать тебя получше?

– Тебе биографию рассказать? Детский садик, в который я ходил, назывался «Елочка».

– Как интересно! А мой – «Солнышко».

– Я рад за тебя.

– Взаимно.

Говорить им было не о чем. Он врубил магнитолу, Ольга невольно поморщилась. Любитель шансона, вот не повезло! Вспомнила тюлевые занавески на окнах его коттеджа и невольно улыбнулась. Блатная романтика, при двух высших образованиях. Она знала Лешкину страсть к учебе. О том, что он поступил в первый институт в пятнадцать лет, сдал экстерном экзамены за два последних класса, окончил его с красным дипломом и тут же подал документы в другой, на заочное отделение. Все его свободное время занимали семинары, сессии и... библиотеки! Иван говорил об этом. О странностях своего генерального директора. Впрочем, он не называл это странностями. Странно то, что они не стали друзьями. Хотя... Противоположности сходятся. Люди похожие конфликтуют, потому что соперники. А Лешка не химик. И не врач. Его интересы лежат в области экономики и юриспруденции.

Дорога была пуста, Ладошкин притопил педаль газа. Джип летел к Горетовке, видимо, ему хотелось поскорее с этим покончить.

– Слушай, елочка, ты бы сбросил газ, – не выдержала Оль-

га.

– А что тебя напрягает, солнышко?

– Да пожить охота.

– Хорошее желание.

«Только вряд ли у тебя это получится», – продолжила его мысль она, но от комментариев воздержалась. Преимущество у того, кто владеет информацией. По крайней мере, она об их планах знает, а они про ее нет.

Машину он оставил на окраине. Буркнул:

– Пешком пойдем.

– Зачем такие сложности?

– Беременным полезно гулять.

«Темнишь». И она мстительно сказала:

– А вдруг ее угонят?

– Ничего. Она застрахована.

– Ты такой предусмотрительный! Не муж, а клад! Я за тобой буду как за каменной стеной!

Он стиснул зубы и молча шел вперед. Особняк Саранских был на окраине с противоположной стороны. Им пришлось пройти через всю Горетовку. Ладошкин все время озирался и словно бы кого-то искал взглядом.

– У тебя здесь знакомые?

– Что?

– Ты ведь бывал тут раньше.

– Пришли, – буркнул он.

И толкнул калитку. Лидия Станиславовна была дома. Вы-

шла на крыльцо, услышав голоса. Зрение у нее было слабое, она все пыталась разглядеть: кто пришел?

– Это Ольга, – подтолкнул ее вперед Лadoшкин. – Вы ее помните?

– Да. Конечно. Проходите, садитесь.

– Садись, – сказал он Ольге, очутившись в гостиной, а сам остался стоять. Он же и начал неприятный разговор:

– Лидия Станиславовна, у нас плохие известия. На днях случился пожар. Дом вашего сына сгорел. Полагаю, он проводил опыты в лаборатории, и произошел взрыв. Несчастный случай.

– Как-как? – Саранская без сил опустилась на диван.

– Мы полагаем, он погиб. Под обломками дома нашли тело.

Она молчала. Лadoшкин подождал немного, потом продолжил:

– Опознать его невозможно, он сильно обгорел. Был взрыв и пожар. Поэтому необходимо провести генетическую экспертизу. Вы – его ближайшая родственница.

– Я – мать, – тихо сказала Лидия Станиславовна.

– Я понимаю, что вам это неприятно...

– Что я должна сделать?

– Достаточно пряди ваших волос, для того чтобы сравнить ДНК.

Она молчала и не двигалась. Лadoшкин поискал глазами ножницы. Повернулся к Ольге:

– У тебя есть маникюрный набор?

Она тоже молча открыла сумочку, достала походный набор: пилка для ногтей, крохотные ножнички, пинцет... Обменялись выразительными взглядами, после чего Ольга протянула ему ножницы, хотя Лидия Станиславовна сидела рядом, на расстоянии вытянутой руки. Ладошкин подошел и исполнил ритуал: срезал прядь седых волос с головы Лидии Станиславовны, достал из кармана пакетик, положил туда волосы и убрал его в карман пиджака.

– Все? – не двигаясь с места, спросила Саранская.

– Все.

– Извините, чаю не предлагаю.

– Мы сообщим вам результат. Надо будет заняться похоронами. Когда с точностью будет установлено, что погибший на пожаре – ваш сын.

– Нет!

– Лидия Станиславовна...

– Уходите.

Ладошкин первым направился к выходу, Ольга встала и шагнула к дверям.

– Я всегда знала, что ты дрянь, – сказала ее спине Лидия Станиславовна.

Она даже не обернулась. Хотя так и подмывало спросить: за что? Ваш Ваня, что ли, был святой? Но какой смысл выяснять отношения, если он умер?

По деревне шли молча. Но когда сели в машину и он опять

врубил магнитолау, Ольга велела:

– Убери.

И наступила тишина. В ответ он мстительно надавил на газ, зная ее страхи. Джип летел к Р-ску на бешеной скорости, но на этот раз она молчала. Минут через десять Алексей спросил:

– Слушай, скажи честно, любила ты его или нет?

– Долго думал?

– Мне интересно. Я всегда считал, что нет. Но сегодня...

– А что сегодня? – Ольга повернулась к нему: – Я что, призналась в этом?

– Да у тебя на лице все написано!

– Трудно любить мужчину, который любить себя не позволяет. Невозможно. Он был закрытым человеком. Его, видимо, сильно обидели. Давно еще. До меня и... До всего. Мы об этом никогда не говорили. Он решил проблему по-своему. Хотел все забыть, ударился в эксперименты. Не нужно было никакой любви, он ее и не принимал. Мы просто жили вместе. Нам так было удобно.

– Ага! Ты хорошая, а он плохой!

– Он чужой. Мне – чужой. А наша встреча оказалась случайностью. Люди не выбирают в спутники кого попало. Я уверена, где-то есть и мой человек.

– Может, это я? Что молчишь, «солнышко»?

– Я есть хочу. Р-ск на горизонте.

– И куда бы ты хотела пойти? – кисло спросил Лад-

шкин. – Я уверен: здесь нет ни одного приличного ресторана.

– Я просто хочу посмотреть город. Поднимемся в «Девятый вал».

– Куда?!

– Ресторан на холме. Город из его окон как на ладони.

– Я надеюсь, цены здесь не московские.

Он ошибся. Видимо, это был самый дорогой в Р-ске ресторан. Карта вин впечатляла.

– Тебе нельзя пить, – сказал Лadoшкин, увидев, с каким интересом Ольга ее изучает.

– Бокал вина я, пожалуй, выпью. Мне это не повредит. Смотри, какой вид из окна!

– Да что ты приклеилась к этому Р-ску? – с раздражением спросил он.

Ольга же с интересом рассматривала расписанные стены. Русалки, рыбы, водоросли, ракушки и даже Нептун с трезубцем в руке. А с потолка свисает рыбацкая сеть, ей даже показалось, что пахнет тиной. Подошла девушка в переливающимся прозрачном наряде, с распущенными волосами, отдельные пряди были зелеными, как водоросли. Пока Лadoшкин делал заказ, Ольга с интересом ее разглядывала. В это время дня посетителей было мало, заняты всего три столика. Принесли вино, она поднесла бокал ко рту и услышала:

– Девушка, двести граммов водки. Быстро.

– А что из закуски?

– Два соленых огурца.

Обернулась и тут же поймала на себе взгляд рыжеволосого мужчины. Лицо помятое, глаза-щелочки, белки в красных прожилках. Перед ним на барную стойку поставили рюмку и графин, но рыжеволосый к ним не притронулся. Смотрел на нее, не отрываясь.

– Кажется, ты имеешь успех, – пошутил Лешка. И добавил: – У местных алкашей.

В это время рыжеволосый взял графин, тарелку и уселся за соседний столик. Налил, выпил. Она тоже выпила вино, принесли горячее, но сосед так смотрел, что кусок в горло не лез. Ольга не выдержала:

– Что уставился?

– Ольга? – тихо спросил рыжий.

– Мы разве знакомы? – оторопела она.

– В какой-то мере... Труп опознали?

– Какой труп? – Они с Лadoшкиным переглянулись.

– Вы из Горетовки едете?

Рыжеволосый встал и пересел к ним за столик, поближе к Ольге. Глядя ей в глаза, проникновенно сказал:

– Я ясновидящий. Предсказываю: моя судьба тесно переплетается с вашими, извиняюсь, судьбами. Вы себе даже не представляете насколько. Момент, я себе налью. За это надо выпить.

Он потянулся к графину, который остался на соседнем столике.

– Пойдем отсюда. Девушка, счет! – крикнул Лadoшкин.

– Зачем счет? Полицию, – сказала Ольга.

– Ах да! – хлопнул себя по лбу рыжеволосый. – Разрешите представиться! Капитан Свистунов. Руслан Олегович. Старший оперуполномоченный по... особо тяжким. Преступлениям против личности, – добавил он, хлопнув еще одну рюмку. – Совмещаю. С должностью мага тире чародея. Так что полицию звать не надо. Я словно почувствовал, что она вам понадобится, – и уже здесь! Цените.

– То есть чародейством занимаетесь в свободное от работы время? – съязвила она.

– Приходится.

– Девушка! Я просил счет! – заорал Ладощкин.

– Момент. Последний фокус. Я вижу, вы мне не верите... Момент... Черт, где же она? – Свистунов долго копался в карманах, бормоча: – Дорога как память... Ага! Вот!

Ладощкин в это время расплатился и встал из-за стола со словами:

– Черт знает что! Я тебе говорил: здесь одна шелупонь! Деньги на ветер выкинули!

Она тоже поднялась, и в этот момент на стол перед ней легла измятая фотография. Ольга вздрогнула: Саранский!

– Откуда у вас она?

– Это мой друг. Покойный. Из-за этого я, собственно, и пью. Чего со мной раньше, признаться, не случалось. В таких количествах.

– Ольга! Пойдем!

– Какая чушь! Он не может быть вашим другом! Хотя...

Вы что, учились вместе?

– Да, – печально сказал капитан Свистунов.

– Ну, тогда понятно! Леша, это друг детства Ивана. Он тоже его оплакивает.

– Именно так, – кивнул рыжеволосый.

– Шел бы ты в... ясновидящий, – прошипел Ладошкин.

– Момент, – встал из-за стола капитан Свистунов. – Я вас, кажется, не оскорблял. При исполнении.

– Леша! Ты что, не видишь? Он пьян в стельку!

– Не в стельку, – возразил Свистунов. – Мне еще на работу. Я его друг. Потому и оплакиваю. А вот кто ты такой?

Он шагнул к Ладошкину и схватил его за грудки.

– Леша! – ахнула Ольга.

– Джип под окнами твой?

– Да пошел ты...

– Что вам за дело до нашей машины! – закричала Ольга.

– Я тебя нашел-таки, Алексей Петрович! Как мир-то тесен? А?

– А ну отпусти! Полиция!

– Здесь я. Не ори, – ощерился капитан Свистунов.

К ним уже поспешно направлялся охранник.

– Помогите, – прохрипел Ладошкин, пытаясь отцепить от себя рыжеволосого.

– Руслан Олегович, успокойтесь, – попытался урезонить того и охранник.

– Ты не понимаешь... Это же... преступник... Хозяин... Хозяин синдиката...

Подскочил еще один охранник, вместе им удалось оторвать Свистунова от клиента. Руслан дернулся, завязалась драка, столик покачнулся, посыпалась посуда с остатками еды. Ольга закричала. Ей вторила официантка. В дверях застыли повар и посудомойка. Ладошкин, забыв об Ольге, рванулся к выходу.

– Леша! – кричала она, но тот словно не слышал.

Охрана с трудом удерживала ошалевшего рыжего мужика, вопила официантка, орал благим матом повар, но бегущую к выходу Ольгу никто не остановил. Все были заняты разбушевавшимся капитаном. Она вылетела на улицу. Ладошкин уже завел мотор.

– Леша!

Едва запрыгнула в машину, как джип понесся вниз с холма.

– Осторожнее! Люди кругом! Не гони!

Ладошкин словно не слышал. Они пролетели Р-ск на полном ходу. А когда выехали на трассу, он принялся ругать Ольгу:

– Ты виновата! Дура!

– Виновата в чем?

– Все твои бабские прихоти!

– Да он же был пьяный!

– Этот Р-ск стороной надо обходить, дура! За три версты!

– Но ты же сам меня сюда привез!

– Я тебя привез в Горетовку! Я так и знал! Что нарвусь на кого-нибудь! И все из-за тебя!

– Успокойся! Он был пьян! Номера не запомнил! Он никогда тебя не найдет!

– Береженого бог бережет. – Лешка постепенно успокаивался. – Я одного понять не могу... Иван был таким скрытным человеком. Делиться с бывшим одноклассником? Рассказывать ему о тебе, обо мне? Может, и о... «Стиксе»? И кому? Менту! Так не бывает. Саранский ведь не пил. А этот...

– Да, Иван избегал бывших одноклассников. Застолий, пьяных компаний. В этом есть что-то странное. В том, что этот... как его? Свистунов? Знает мое имя. Я о нем никогда не слышала.

– Я тоже. Все очень странно.

– Но фотография?

– Ладно. Главное, дело сделано. – Ладошкин похлопал по карману пиджака. – А капитана мы приструним. Пьяная драка в ресторане во время обеденного перерыва... Вылетит из органов с треском.

– Да оставь ты его в покое, – поморщилась Ольга.

– Нет, я понять не могу... Мистика! – поежился он.

– Я хотела спросить...

– Да?

– А почему ты не едешь на работу?

– Взял отпуск, – буркнул он.

– И... на сколько?

– На две недели.

– Что ж...

«Две недели. Моя судьба тесно переплетается с вашими судьбами. Вы себе даже не представляете насколько...» Чего она еще не знает? Элемент х. Невозможно всего предусмотреть. Никогда не бывает так, как планируешь. Потому что всегда есть элемент х. В данном случае – икс-транквилизатор Саранского. Он существует.

Ей вдруг стало тревожно. Чего она не знает?

Вечер

Вечером они поехали в Р-ск. Их смена закончилась, работа была такой напряженной, что теперь Лесю клонило в сон, Саша, сидящий за рулем, тоже зевал. Какая ж тяжелая эта работа! Никогда она не привыкнет к такому графику, к сменам. Но столица не спит и ночью. Город живет круглосуточно, дошло до того, что и в полночь на улицах пробки. И кто-то должен все это обслуживать. Магазины, рестораны, дежурные аптеки... На некоторых стройках и ночью тоже кипит работа. Все срочно. Все, что приносит деньги. Срочно... Быстро... Круглосуточно...

– Леся, ты спишь?

– Почти.

– Меня тоже клонит в сон.

– Ты за рулем. Не вздумай спать!

– Не надоела тебе?

– Что?

– Такая жизнь.

– Надоела. А что делать?

– Я сегодня с ней разговаривал. С его любовницей.

– Я видела.

– Она хочет сделать нам подарок.

– Подарок? – Леся моментально проснулась. – Какой подарок? Кому нам?

– Нашей смене. Ольга. Мол, ее жених причиняет нам массу неудобств. В качестве компенсации.

– Какая чушь! Когда богатые об этом думали? По-моему, это их хобби: причинять неудобства тем, кто от них зависит. Они от этого удовольствие получают.

– Да ладно тебе, – миролюбиво сказал Сашка. – Не злись.

Она оплатит наш поход в сауну.

– В какую сауну?

– Я пока не знаю. Мы созвонимся.

– Чушь! – повторила Леся.

– Но такого удобного случая больше не представится. Поговорить с ней о следователе Мукаеве, о наших делах.

– Она что, тоже едет?

– Да. Со своим женихом.

– Она замуж выходит?

– Да. За генерального директора фирмы «АРА». Пом-

нишь? Ладоскин. Она скоро выходит за него замуж. Сама сказала.

– Нет, ты подумай! – взвилась Леся. – Я вкалываю как проклятая, а она замуж выходит! За генерального директора! Ну, Мукаев! Ну, дурак! Уверена, она ему наставляла рога! Та еще штучка!

– Ты все еще не успокоилась?

– Я никогда не успокоюсь! Как подумаю, сколько у него было денег и он мне ни слова об этом не сказал! Хоть бы на юг разок съездили! Ее возил! Подарки дорогие дарил! Вся бриллиантами обвешана! Ненавижу ее! Нет, ну чем я хуже?

– Ну, хочешь, я с тобой поеду? На юг?

– Хочу!

– Но сначала нам надо достать денег. Я вижу, тебе не нравится эта работа.

– Не нравится! Ненавижу вставать в пять утра! Ненавижу не спать ночь напролет! Ненавижу униформу!

– Да успокойся ты. Раскричалась.

– Я никогда не успокоюсь! – повторила Леся. – Потому что нет на свете справедливости!

– В этом ты права: справедливости нет. – Он зевнул. – Может, в магазин заскочим? Выпить хочешь?

– Я спать хочу!

Но она так разозлилась, что сразу заснуть не смогла. Справедливости нет. Ну, почему одним все, а другим ничего?! Ишь! Подарок она решила сделать! Людям, которых ее же-

них терроризирует каждый раз, когда появляется в магазине! Они, кассиры, ошибаются уже оттого, что нервничают! Как только он входит в двери супермаркета, начинают гадать: к кому подойдет? Кто жертва? Возникает ощущение, что у этого Ладоскина в голове калькулятор! Таких убивать надо!

Она ворочалась с боку на бок. Подарок? Ну, что ж. Надо принять. Какую бы цель ни преследовала эта Ольга. Никогда не бывает так, как задумаешь. Никогда...

День пятый

Утро – полдень

Пустой день. К Марусе можно было и не ехать. Но раз уж записалась...

– Сколько ты там пробудешь? – спросил Лешка.

– Минимум два часа. А если зайду на массаж...

– Зайди, солнышко. Тебе без массажа никак.

– Тогда три часа!

– Отлично!

«Что ты задумал?» Спросила:

– А ты что будешь делать?

– Поеду в лабораторию.

– В какую лабораторию? – вздрогнула она.

– Забыла? Мне надо договориться о сравнительном анализе ДНК. Не беспокойся: через три часа я буду у дверей салона красоты. Если что, ты всегда можешь мне позвонить на мобильный. И я потороплюсь. Тебе не придется ждать.

«Что ты задумал?» У дверей салона они расстались. Лешка стоял у джипа и смотрел, как она поднимается по ступенькам. Ольга вошла в салон, а он сел в машину. Самое время его кинуть. Посидеть в холле минут десять и сбежать. Но, во-первых, неизвестно, уехал он или нет. А вдруг все три часа просидит в машине за углом, не выпуская из поля зрения дверь, за которой она скрылась? Во-вторых, бежать некуда.

Без денег, без документов. Он это прекрасно знает. В-третьих...

В общем, она спросила Марусю. Девушка на ресепшен просияла:

– Ольга? Тебя ждут.

Здесь ко всем обращались на «ты» и по именам. За чашечкой кофе можно было поболтать с секретаршей или просто помолчать. В вазочке на стойке, за которой сидела девушка с безупречной прической и с эксклюзивным маникюром, лежали карамельки в прозрачных фантиках. Зеленые, красные, желтые... Ольга невольно вздохнула. Рука сама потянулась к вазочке. Но к ней уже катился Маруся, расставив руки для дружеских объятий, ртутная улыбка перекатывалась с одной щеки на другую, он улыбался уголком рта:

– Маруся! Здравствуй, дорогая! – Обнялись, щека к щеке. – Что с тобой случилось? Проходи ко мне, милая. Сейчас я все исправлю.

Она развернула-таки карамельку и положила за щеку. Яблоко. Зеленое яблоко. Улыбка Маруси перекатилась на правую щеку, заиграла ямочка:

– Сладкого захотелось? А как же фигура?

– К черту.

Через минуту она уже сидела в кресле и печально смотрела на себя в зеркало.

– А что с руками? – кудахтал Маруся. – А с лицом? Дай я положу на глаза ватные диски, смоченные противоотечным

лосьоном. На травах, сам готовил, – похвастался он.

Она послушно откинулась на спинку кресла, опущенную насколько было возможно, закрыла глаза. И тут же почувствовала на веках холод.

– Полежи минут десять. Ай, что за руки! Нарастивать надо, – жалобно сказал Маруся, рассматривая ее ногти.

– Не надо. Ничего не надо.

– Ну, как же так? Пожалей мой труд, Маруся! Сколько времени я на тебя потратил!

– Выходит, все напрасно, – грустно улыбнулась она и проглотила карамельку.

– Что случилось?

– Иван погиб. На пожаре.

– Да ты что?!

– Попала в историю твоя любимая клиентка.

У него все клиентки были любимыми, она это прекрасно знала. Тем не менее все они с увлечением играли в эту игру. И она принялась рассказывать ту часть правды, которая души не затрагивает и представляет собой вершину айсберга. Иван погиб, дом сгорел, а также машина, вещи, документы... А под конец сказала:

– Я хочу, чтобы ты меня состарил.

...В это время Ладошкин входил в приемную важного человека. Когда-то этот человек оказал ему протекцию. Пореккомендовал Ивану Александровичу Саранскому, ввел в дело. Леша Ладошкин учился в институте, где преподавала его

жена, Альбина Робертовна. Она-то и заметила способного студента. Какое-то время присматривалась, а потом взяла под свое покровительство. И вот он сидит сейчас в приемной ее мужа и ждет. «АРА» – это, конечно, мелочь. Хотя развернулся он по-крупному. Фантастическими прибылями фирма обязана ему, Алексею Ладошкину. А то, что народ мрет... Не надо пить! Тем более алкоголь сомнительного качества, дешевку. Происходит процесс естественного отбора. Слабые умирают, сильнейшие выживают. Если бы не чертов газ... Изобретение этого дьявола Саранского. Все бы сошло с рук. Но искушение! Без крови, по-тихому выключать курьеров, делать из людей зомби... Если человек ничего не помнит, ему можно внушить все, что угодно. А если размахнуться? Планета большая, все время где-то идет война...

– Заходите.

У него юная красивая секретарша. Это известно. С супругой негласный договор. Всем удобно. Девушка себе цену знает, холодна как лед. Чего не скажешь о человеке, поднявшемся ему навстречу из-за огромного, как айсберг, стола. Белоснежного. Мода, что ли, такая? Надо бы перенять.

– Леша! Давненько мы с тобой не виделись! Ну, проходи, садись. Как дела? Рассказывай!

– Павел Эмильевич, я никогда бы вас не побеспокоил, если бы не...

– Да брось! Друг моей жены – мой друг.

Его отношения с Альбиной Робертовной вряд ли можно

назвать дружескими. Разница в возрасте лет двадцать – двадцать пять. Это скорее материнское покровительство. Как мужчина Алексей ее не интересуется. У нее был роман с Саранским, это тоже всем известно. Но и то давно прошло.

– Что случилось, Леша?

– Как бы это сказать? – замялся он, усаживаясь в снежную глыбу-кресло.

– Да говори прямо.

– В общем, на меня наехали.

– Как так? Кто?

– Я не знаю. Приехали люди. Номер машины я запомнил, – поспешно сказал он.

– Да кто ж не наслышан о твоей феноменальной памяти, – усмехнулся Павел Эмильевич. Вот ведь подобралась же парочка! Она – Робертовна, он – Эмильевич. Говорят, у супругов Ахатовых прекрасные отношения. Дружеские.

– Угрожали оружием. – Ладошкин почувствовал, как губы задрожали. – Люди серьезные.

– А чего хотели?

– Говорят, он вел какие-то опыты...

– Иван? Да, я что-то слышал. Но в суть не вникал.

– Я тоже. Это не мое дело.

– А как Иван? Почему сам не приехал?

– Он погиб.

– Да что ты! – ахнул Ахатов. – Вот Аля расстроится! Они были друзьями.

– Да. Я слышал. То есть...

– Расстроится. Хороший был парень.

– Да.

– А как это случилось?

– Несчастный случай. Он проводил опыты в лаборатории.

И... В общем, произошел взрыв, вспыхнул пожар, Ольга в это время была в ресторане со мной.

– Ольга?

– Его... в общем, женщина. Подруга.

– Ну да. А потом приехали эти люди?

– Да. Я понятия не имею, чего они от меня хотят! У меня ничего нет. Я не знал, что это за опыты. Я – генеральный директор торгово-закупочной фирмы. При чем здесь исследования Саранского?

– Ну да, ну да.

– С делом-то что будет?

– А что с делом?

– Активы-то Иван перевел на меня. – Ладошкин замаялся. – Как оказалось, не все. Есть какие-то счета за границей. Но я об этом ничего не знаю. Клянусь!

– Значит, ты хочешь, чтобы тебя оставили в покое?

– Вы же принимаете какое-то участие в этом деле?

– Я? Участие? – Ахатов враз переменялся в лице. – Не я, а моя жена. И ее участие ни на бизнес Саранского, ни на лабораторию не распространялось.

– Я не это имел в виду, – поспешно сказал он.

– Ни я, ни моя жена понятия не имеем, на что Иван тратил деньги. На какие такие исследования.

– Я не это имел в виду.

– Я недавно видел фильм. Документальный. В городе Р-ске нашли подпольный цех по производству «паленой» водки. Народ травится, многие попадают в больницу. Случается, что и умирают. Органы ведут расследование, дело на контроле у высокого начальства. Акцизные марки на бутылках были фальшивыми. Нехорошо это.

– Да, пьют всякую дрянь, – пробормотал Ладоскин.

– Ладно. Поможем, – сказал вдруг Ахатов. – Никто тебя не тронет.

– Но...

– Отдай им что просят, и все.

– Но у меня ничего нет!

– Нет так нет. На нет, как говорится, и суда нет. – При слове «суд» Алексей невольно вздрогнул. Что это? Намек? Ахатов, глядя в стену над его головой, сказал: – Упомянули, что хозяин особняка, в котором нашли «паленку», повесился. Он-то и был главный.

– Кто упомянул? Где?

– Да по телевизору. Я ж тебе говорю: фильм смотрел. Случайно. Криминальные новости.

– Выходит, Сидорчук повесился? Уф!

– Фамилию я не помню. Мне дела до этого нет.

– Значит... Уф!

– У тебя все?

– В общем... да.

– Я слышан, Леша, о твоих талантах, – сказал Ахатов, поднимаясь.

– Талантах? Каких талантах? – пробормотал он.

– Говорят, у тебя в голове калькулятор. Считать ты умеешь хорошо. Одно дело разбавлять водой этиловый спирт, а другое – технический. И третье – спиртосодержащие жидкости. Это я к примеру. Арифметическая задачка. Но иногда это вредно. Иногда нужно считать неправильно. Понятно, что двести процентов прибыли лучше, чем двадцать. А разница куда уходит?

– Но ведь... Взятки...

– Я об этом не слышал. А ты ничего не говорил. Ты бы подумал о применении своих талантов, ну, скажем, в другой области.

– Я не понял... Мне что, сдать дела?

– Кому? И какие такие дела?

– Тогда я не понял.

– Это твои проблемы. – И Ахатов потянулся к телефону на столе, давая понять, что аудиенция окончена.

– Так я пошел?

– Иди.

«Надо все уничтожить. Всю «левую» продукцию. Закрывать склады. Сидорчук повесился. Это хорошо. Кто-то его заставил. А может, и не сам. Помогли. Кто-то там поработал.

Знать бы, кто этот человек. Кому я обязан тем, что остался на свободе? Пока остался. Сколько у меня времени?»

Ладошкин машинально посмотрел на часы. И тут же стал рассчитывать дорогу. Правильно говорят: у него в голове калькулятор. Успеет.

...Она вышла из дверей салона и огляделась. Как он сказал? «Тебе не придется ждать»? Выходит, обманул. В этот момент показался джип Ладошкина. Резко затормозил перед ней, дверца открылась:

– Садись.

Едва опустилась Ольга на переднее сиденье, как он пожаловался:

– Три часа проторчал в пробках. В лабораторию так и не попал.

– Это где ж такие пробки? – усмехнулась она.

– Да повсюду! Стоит Москва! Так что в лабораторию поедем вместе. Сейчас.

«Где он был? Встреча? С кем?» Сообразила, что Лешка, не отрываясь, смотрит на ее сумочку. Они стояли на светофоре. Он перевел взгляд на ее волосы и пожал плечами:

– Я что-то не понял... Ты провела там три часа!

– И что?

– Я не вижу никаких изменений. Твои волосы...

– Это и есть великое искусство. Которым владеет Маруся.

– Взять пятьсот баксов за то, чтобы три часа ни фиги не делать? Ловко! Чтоб я так жил!

– Разве ты не находишь, что я похорошела?

– Солнышко, ты всегда неотразима.

– Но мне надо купить пластырь, елочка. Я ногу натерла.

– Когда?

– Вчера, пока бродила по этой грязной Горетовке. И теперь у меня болит нога. Сумку не буду брать. Притормози у аптеки. Я заскочу на минутку.

Он тут же забыл о ее волосах. Ольга взяла кошелек и скрылась в аптеке. Пусть проверит содержимое ее сумочки. Да бога ради! А то весь день будет нервничать и злиться. И другим настроение портить.

Купила пластырь, задержалась, рассматривая витрину. Надо дать ему время. Пусть убедится, что у нее ничего нет. Когда вернулась, он заметно повеселел:

– Ну что, солнышко, в лабораторию?

– Ну, раз надо...

– Надо, солнышко, надо!

Она и так знала, что под обломками дома найден Саранский. А кто ж еще? Но им нужно официальное заключение. Что ж... В лабораторию!

В это же время

Когда Саша наконец уехал, Олеся тоже стала собираться. Хватит валяться на диване! Надо что-то предпринять. Пойти в парикмахерскую, забежать на маникюр, записаться к косметологу. Леся не понимала, что происходит, но ей вдруг за-

хотелось это сделать. Словно кто-то подталкивал в спину, когда она шла, нет, летела по улице. Она чувствовала: что-то случилось. Не с ней, но это и ее касается. Механизм запущен. И надо спешить.

Летом в парикмахерских Р-ска мастера откровенно скучают. Клиентки разъехались, а те, кто остался в городе, предпочитали на стрижку и маникюр не тратиться. Солнце, ветер, дачи, грядки... Толку-то? Так что Лесе обрадовались. Ее бывшая одноклассница, которая работала администратором в салоне, сказала:

– Ну, наконец-то! Совсем забыла нас. Что, на Мукаеве свет клином сошелся? Нет его, так и стричься-краситься не надо?

– Ох, не наступай на больную мозоль!

– Не нашли его?

– Нет. Пропал.

– Может, у бабы?

– Может, и у бабы. Откуда мне знать?

– А что Зоя?

– Ты у меня спрашиваешь?

– Замуж тебе надо, – жалостливо посмотрела на нее бывшая одноклассница.

– Сама знаю.

– Ты ж на выпускном первая красавица была! Царица бала! Помнишь?

– Не хочу я об этом вспоминать, – махнула она рукой.

– Дура ты, дура, – ласково попеняла подруга. – Ну, ничего. Сейчас мы из тебя такую красотку сделаем! Закачаешься! Анжелика!

– Чего?

Из дверей выплыла Анжелика, самый известный в городе дамский мастер. Высокая дородная женщина, и такая флегма, что об ее мощную грудь, как о скалы, разбивались вопли обиженных клиенток даже в десятибалльный шторм. Говорили, что ее муж, у которого частенько случаются запои, распускает руки, и хотя он на полголовы ниже и весит в два раза меньше, Анжелика позволяет себя бить, а наутро замазывает синяки тональным кремом, на что сбегается смотреть весь коллектив. И все наперебой дают советы: «разведись», «вмажь ему», «возьми детей – и к маме», «сажать таких надо». По окончании «производственного совещания» все расходятся по местам и, орудуя ножницами, начинают разговор «за жизнь» между собой и с клиентами, а к вечеру появляется муж с потрепанным букетом в руке и бутылкой пива в кармане и, дыша перегаром, извиняется перед дамами:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.